

А

АННА
ДАНИЛОВА

СМЕРТЕЛЬНЫЕ
ОБЪЯТИЯ

Психологический детектив

Анна Васильевна Данилова
Смертельные обьятия
Серия «Эффект мотылька.
Детективы Анны Даниловой.
Новые расследования»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70273120

Данилова, Анна Васильевна. Смертельные обьятия: Эксмо; Москва;

2024

ISBN 978-5-04-198684-1

Аннотация

К известному адвокату Борису Бронникову обратились с очень щекотливым делом – нужно приютить и спрятать у себя в доме подозреваемого в убийстве бизнесмена Матвея Льдова. Борис уверен в его невиновности, но все улики против Матвея. Он проснулся в одной постели с девушкой с перерезанным горлом. И хотя он не помнит, что произошло, но уверен, что никого не убивал. Разбираться в этой истории начинает Женя Бронникова.

Содержание

1. Июль 2023 г.	5
2. Май 202... г.	12
3. Май 202... г.	23
4. Июль 2023 г. Борис	33
5. Май 202... г.	46
6. Июль 2023 г.	57
7. Июль 2023 г.	63
8. Май 202... г.	76
9. Июль 2023 г.	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Анна Данилова

Смертельные объятия

© Текст, Дубчак А.В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*** * ***

1. Июль 2023 г.

– И где же твои сырники?

– Они расплылись на сковородке. Вроде делала все по рецепту...

Женя злилась. И зачем она только пообещала Борису на завтрак сырники? Только опозорилась. И как так? С Наташей у нее все получалось, и сырники были толстенные, плотные и держали свою форму, когда жарились.

И что сегодня не так? Какой секрет Наташа ей не раскрыла? Она же ясно сказала, что творог не следует забивать мукой, иначе все будет невкусно. Или, может, творог слишком влажный, а нужен сухой? Не слишком ли все это сложно? Откуда ей знать, как поведет себя творог?

– Так где же эти твои расплывшиеся сырники? – улыбнулся Борис.

Он был в хорошем настроении, веселый, румяный после пробежки в лесу. И теперь сидел за столом в домашнем халате, подаренном ему братом, и был удивительным образом похож на него. И совсем не походил на прежнего Бориса, презиравшего халаты и вечно подтрунивавшего над Петром, у которого собралась уже целая коллекция прекрасных «обломовских» халатов.

– Я их выбросила, – спокойно ответила Женя. – Чтобы не позориться.

– А я бы с удовольствием съел любые сырники, приготовленные твоими руками, – и Борис вдруг взял ее руку в свою и поднес к губам. Поцеловал.

– Я научусь. Я все равно научусь готовить. Но не так скоро... Там много разных премудростей, конечно, но...

– Да успокойся ты уже, Женечка. Я с удовольствием позавтракаю бутербродами.

– Хорошо, что у нас есть кофемашина, иначе и кофе испортила бы, – помрачнела Женя. – А где Петр с Наташей? Решили проспать завтрак? Кажется, они собирались куда-то там ехать, чтобы посмотреть очередной дом.

– Женя!

– Понимаю, что тебе неприятно об этом говорить, но что поделать, если они решили обзавестись собственным домом? Это их выбор.

Женя знала, как Борис привязан к брату, как привык, что он всегда рядом, а теперь вдруг Петр со своей невестой решили, что им пора уже жить отдельно, в своем доме, своей семьей. И хотя Женя была Петру снохой, а не сестрой, но успела полюбить его, такого милого и доброго, с самого первого дня защищавшего ее, тогда еще домработницу, доставшуюся братьям «по наследству» от прежних хозяев, от нападок в ту пору агрессивного и грубого Бориса.

И теперь также страдала при мысли, что Борис с Наташей переедут. Наташа, которую и она сначала восприняла в штыки и долгое время не знала, как к ней относиться, и виде-

ла в ней чужого человека, оказалась хорошей, классной девчонкой. Не зазнайкой, не лентяйкой, не самозванкой, а той самой загадочной дамой сердца, которую Петр, однажды обретя, потерял и долго искал.

Сейчас же достаточно было увидеть сияние в его глазах, когда он смотрел на нее, чтобы понять, как же он любит ее. А она? Она тоже светилась счастьем ровно с того дня, как только нашла его и пришла в их дом.

Они вели себя как молодожены, постоянно либо держались за руки, либо обнимались, а когда их никто не видел, как им казалось, и целовались. Между ними была самая настоящая страсть!

Они редко выезжали из дома, разве что в Москву в ресторан или к друзьям Петра, и в основном проводили время вместе в комнате Петра, а по вечерам любили прогуливаться по окрестностям.

Наташа тоже училась готовить, но относилась к этому со всей серьезностью и занималась этим почти каждый день. Заказывала продукты и осваивала новые рецепты. Помогала ей в этом домработница Галина Петровна.

Сегодня она была выходная, и Женя, проснувшись рано, решила всех удивить – накормить вкусными сырниками. И что в результате? Получились какие-то влажные подгоревшие лепешки с вылезшим из-под корки жидким расслоившимся творогом...

– Может, позвать его? – предложил Борис, поглядывая на

дверь. — Мало ли что могло произойти.

— Да пусть себе уже поспят. Наверняка допоздна смотрели какой-нибудь сериал или просматривали объявления о продаже дома.

Раздались шаги, и в кухню вошел Петр. Но не в халате, а в пижаме! Пижамы была белая, отороченная синим кантом, и висела на нем мешком, отчего Петр, высокий, худой, растрепанный, с растерянным лицом, был похож на грустного клоуна.

— Ну наконец-то! — воскликнул Борис. — Давайте уже, садитесь за стол!

— Ее нет, — сказал Петр, уставившись на брата, словно тот знал гораздо больше его. — Понял, да? Она ушла от меня.

Он сказал это таким тоном, словно только они, два брата, знали, о чем идет речь, о той тайне исчезновения Наташи, которая лишила Петра покоя на долгое время. Словно он забыл, что и Женя в курсе его страданий и радостей.

— В смысле? Ты чего? Когда ушла? Что она тебе сказала?

— Да ничего не сказала. Мы почти до утра просматривали дома, потом уснули, так ничего и не выбрав, мы же хотим, чтобы неподалеку отсюда. Утром я проснулся, а ее нет!

— Ну и что?! — воскликнула, не выдержав, Женя, желая поддержать Петра. — Да мало ли куда она могла пойти? Может, решила прогуляться. Или пробежаться? Борис...

— Я ее на дороге не видел, — пробормотал, чуть ли не извиняясь, Борис. — Но, может, она по другой дороге побежала.

Теперь его лицо приобрело виноватое выражение.

– Послушайте, что вы такое говорите? И когда это моя Наташа бегала по утрам? Да она терпеть не может спорт и все, что с ним связано! Она, как и я, большая любительница тепла и комфорта, и для нее все эти пробежки – настоящая каторга! Да! Кроме того, она соня, очень любит поспать. А если учесть, что мы легли под утро, то, спрашивается, что заставило ее подняться с рассветом и уйти, вернее, уехать?

– Так она уехала?

– Ну да, на своей машине.

– Надеюсь, чемоданы на месте? – осторожно спросила Женя.

– На месте... Но что для нее чемоданы какие-то, вещи? Она может купить себе кучу вещей и чемоданов. Она могла ничего не взять, чтобы я не сразу понял, что она ушла.

– Но зачем ей куда-то уходить? Вы что, с ней поссорились? – Борис отчего-то разозлился, Женя только не поняла, на кого, на брата или исчезнувшую Наташу.

– Нет. У нас все замечательно... Было. Мы же дом выбрали!

– А может, она не хотела отсюда уезжать?

– Хотела, в том-то и дело! Она хотела большой дом, с таким же зимним садом, мечтала о каких-то растениях...

– Но в доме полно места, много комнат, почти весь второй этаж, за исключением комнаты для Валеры Реброва, не занят, – проговорила Женя. – Там две прекрасные спальни,

кабинет, просто огромная ванная комната! Я не понимаю, почему вы до сих пор ютитесь в вашей комнате, Петр, словно больше и места нет. Можно же купить, я не знаю, мебель в спальню, все там обустроить... Дом, повторяю, огромный, и сад тоже! И мы с Борей не хотим, чтобы вы переезжали. Или... Может, я ее чем обидела?

– Она тебя, Женечка, просто обожает. Нет, все дело во мне. Видимо, я сделал что-то не так.

– А что, если дело во мне? Может, я сделал что-то не так... Или сказал? – неуверенно спросил Борис. – Но не помню, чтобы я был груб с ней. Да я тоже уже привык к Наташе и рад был, что она нашлась.

– Но она ушла, понимаете! Уехала! И это впервые за все то время, что она здесь живет. И ни слова мне не сказала. Разве что написала.

– Как? – хором переспросили Женя с Борисом.

– А я разве вам не сказал? Минутку... – И Петр достал из кармана пижамной куртки записку.

На голубом листочке было написано: «Кое-что нашла, хочу посмотреть сама... Скоро вернусь. Люблю».

Борис в сердцах отшвырнул от себя салфетку. Выругался, что случалось с ним редко в присутствии жены.

– Ты нормальный вообще, Петя?!!! Ты чего запаниковал? Она же ясно все написала!

– Да мало ли, что она написала. Уехала же. Без меня. Не разбудила...

– Я кофе вам налью? – улыбаясь, спросила, уже успокоившись, Женя.

– Можно... А-а-а... Господи, в чем я пришел?! Какой стыд! – И Петр, вдруг опомнившись, что показался перед домашними в пижаме, вскочил и бросился переодеваться.

– Он не спокоен. Он до сих пор боится ее потерять. Почему, Боря?

Женя включила кофемашину.

– Любит ее до безумия. Так нельзя любить. Так можно сойти с ума.

– А разве ты не любишь меня до безумия?

– Люблю, конечно, но мозги свои не отключаю никогда. Постоянно думаю о тебе, переживаю. А ты этого, к сожалению, не понимаешь. Вечно вляпываешься в какие-то истории. Рискуешь собой.

– Боря! – строго окликнула его Женя, тем самым напоминая мужу о том, что тема эта ей неприятна, что все давным-давно оговорено и что она не намерена отказываться от своих принципов и желаний.

Он вздохнул и принялся за второй бутерброд.

2. Май 202... г.

– Вот, смотри, сколько я заработала за месяц только на чаевых!

И Оля достала из жестяной коробочки из-под голландского печенья деньги. Целый ворох бумажных купюр.

– Около пятидесяти тысяч. А ты говоришь, брось работу и возвращайся домой. Да разве я там заработала бы такие деньжищи?

– Но ты сама-то понимаешь, что гробишь себя? Что тебе противопоказано таскать тяжелые подносы.

Разговор происходил в маленькой московской квартирке, которую снимали две подружки из города Мышкина, Оля и Валя. Оля была приятная, с мелкими чертами лица девушка, шатенка с карими глазами. Невысокая, с полной грудью, она нравилась мужчинам своей женственностью и нежным голосом. Быть может, поэтому подвыпившие клиенты платили ей всегда щедрые чаевые.

Не отставала от нее в этом плане и подружка, Валентина. Хрупкая блондинка, голубоглазая от природы, которая в зависимости от настроения меняла линзы, становясь то кареглазой, то поражала всех ярко-зелеными глазами. И если Оля всем улыбалась, точно зная, что улыбка определит размер чаевых, то Валя пользовалась лишь своей красотой, являясь в ресторане «Дикий гусь» настоящим украшением

(причем по мнению самого директора).

Она так и не смогла заставить себя улыбаться клиентам, обслуживая столики, всегда держалась с достоинством и лишь изредка одаривала кого-то, особо понравившегося ей, улыбкой.

Обе приехали в Москву два года тому назад из города Мышкина в надежде скопить денег. Валя мечтала открыть в родном городе мастерскую или пекарню для туристов, Оля же планировала сделать операцию по замене межпозвоночного диска. Валя никогда ее не расспрашивала, насколько все серьезно, раз подружка так решительно настроилась на операцию. Ну, побаливает спина и побаливает. У многих болит, но потом проходит.

Но однажды даже решила все-таки подиутить, спросила, может, Оля мечтает изменить форму носа или увеличить губы. Но Оля, хоть и не красавица, была вполне довольна своей внешностью и на самом деле собирается оперировать позвоночник.

Как ни странно, но на работе Оля почти никогда не жаловалась, молчала, терпела боль и изредка, когда у нее выдавалась свободная минутка, пряталась в гладильной, ложилась на диван и вытягивала ноги – отдыхала. Иногда, когда у Оли сильно болела спина, Валя заменяла ее, помогала, носила тяжелые подносы.

Поначалу копить деньги не получалось – все-таки Москва. Много соблазнов, появляются новые желания. Хо-

чется купить что-нибудь из одежды или обуви, хорошую косметику, деликатесы. Покупали, радовались, но потом, подсчитав потраченное, хватались за голову: и куда только деньги ушли?

Однако уже очень скоро Олины желания изменились — она стала прибегать к услугам хорошего, хоть и дорогого массажиста. И спина болела уже меньше, и Оля чувствовала себя гораздо лучше, здоровее.

Потом увлеклись театром, старались посещать премьеры, хотя и брали самые дешевые билеты.

Помимо них в квартире жили еще квартиранты: молодая женщина с маленьким ребенком, который плакал по ночам и мешал спать. И молодой парень, тихий пьяница, грязнуля и просто противный тип, после которого страшно было прикоснуться к ручке двери или принять душ.

Ощущение нечистоты в квартире настолько начало раздражать обеих подружек, что они решили перебраться в скромную, маленькую квартирку неподалеку от ресторана, где работали.

Этот переезд стоил им дорого. Во-первых, пришлось заплатить кругленькую сумму агенту по недвижимости, во-вторых, заплатить сразу за два месяца за квартиру, в-третьих, заплатить грузчикам, которые перевезли вещи, в-четвертых, пришлось купить две скромные полуторные кровати, а заодно и новое постельное белье. И это не считая трат на бытовую химию и прочие мелочи, без которых

жизнь на новом месте представлялась просто невозможной. Но так уж хотелось чистоты и комфорта, что и денег не жалели.

В конечном счете остались совсем на мели и радовались тому, что удавалось принести еду из ресторана. Уставшие, они ужинали оставшимися от банкетов мясными деликатесами, фруктами, а потом пили чай с пирожными.

Ночью отсыпались и утром отправлялись на работу. И постепенно планы подружек начали меняться. Оля все реже стала жаловаться на боли в спине (вероятно, помогал хороший массаж), а Валя передумала возвращаться в родной город и открывать там пекарню или мастерскую по изготовлению сувенирных мышей.

Москва манила к себе, хотелось здесь жить, пускать корни. Но, для того чтобы это осуществить, надо было купить собственное жилье. А где взять денег?

Оля предложила для начала накопить денег и купить хотя бы комнату, такую же, в которой они жили до переезда в квартиру. Вот просто отказывать себе во всем и копить, копить.

Но подсчитав, получилось, что накопить даже три-четыре миллиона рублей – процесс долгий и трудный. И отказывая себе во всем, они потеряют вкус к жизни. Оставался один выход – вернуться в Мышкин и попробовать получить там кредит.

– Тяжелые подносы... Да, ты права. Но для того, что-

бы получить образование и зарабатывать деньги мозгами, тоже нужны деньги. Много денег. А мы с тобой это не потянем. И даже если представить себе, что мы уже выучились и устроились на работу, здесь, в Москве, то где гарантия, что мы сразу же станем хорошо зарабатывать? Нужен опыт и все такое. Сама понимаешь – это долгий и дорогой процесс. Мы такие, какие есть.

– И что теперь? Работать всю жизнь официантками?

– Почему же, есть еще один вариант.

– Выйти замуж за москвича? – улыбнулась Валя, промокая губы, мокрые от апельсинового сока, салфеткой.

Перед подругами на столе стояло большое блюдо, наполненное нарезанными и слегка подветренными ломтиками апельсинов, примятые брусочки потемневших бананов и россыпь розового винограда – фрукты, оставшиеся с последнего банкета.

– Да. Это было бы самым легким путем задержаться здесь и устроить свою жизнь. А разве ты об этом не думала?

– Провинциалов в Москве не любят. Нас считают захватчицами, наглыми и алчными девчонками.

– А я вот понимаю москвичей. Если бы я, к примеру, жила здесь с рождения, то тоже, наверное, настороженно относилась бы к приезжим. Но, с другой стороны, Москва – город невероятных возможностей, и согласишься, что тем, кому посчастливилось родиться здесь, просто повезло. Да,

я очень люблю свой Мышкин, но мне было там тесно, понимаешь? А вот здесь, в Москве, я постоянно чувствую вокруг какое-то мощное движение жизни, здесь другая энергия, и этот город, гигантский, красивый, сверкающий, ухоженный и полный всего интересного, притягивает к себе, и хочется здесь жить.

— А у меня, — вздохнула Оля, — постоянно мнение меняется. Иногда я чувствую здесь себя комфортно и спокойно, а в другой раз, обслуживая богатых клиентов, вдруг понимаю, что я — дура душой и что никогда не смогу заработать столько денег, чтобы позволить себе ужинать в нашем же ресторане. Что этот город — для людей с мозгами, понимаешь? Получается, что я глупая?

— Конечно, глупая, раз говоришь такие вещи! Ты — умница! И будь у твоих родителей деньги, ты бы выучилась, устроилась здесь на хорошую должность и зарабатывала бы приличные деньги.

— Ты презираешь меня за то, что я в глубине души мечтаю выйти замуж за москвича?

— Чего это мне тебя презирать? Глупости! Ты хорошая, добрая девчонка, и будешь отличной женой и матерью. Ты хорошо воспитана, работающая, ценишь и любишь людей, терпеливая... Главное, чтобы тебе повезло и на тебя обратил внимание хороший парень.

— А ты? О чем мечтаешь ты?

— Я бы тоже сказала, что было бы неплохо выйти замуж

здесь, но с моей внешностью у меня шансов мало.

— Что-о-о-о?! Не поняла... Да ты красивее меня в тысячу раз!

— Не знаю... Понимаешь, мне не хотелось бы, чтобы меня полюбили лишь за внешность. А пока что я получаю лишь неприличные предложения. Мужчины назначают мне свидания с единственной целью, сама знаешь, с какой. Со мной никто особо не разговаривает, все пытаются уговорить... Да что я тебе рассказываю? Мы с тобой сто раз уже об этом говорили.

— Знаешь, у меня какое-то хорошее предчувствие, — внезапно сказала, загадочно улыбаясь, Оля. — И сны мне снятся потрясающие. Вот этой ночью, к примеру, я увидела во сне большой дом, какой-то нескончаемый, огромный, хоть и одноэтажный. Я иду по нему, а он внутри словно круглый, и вот я все иду, иду, прохожу комнату за комнатой, а там какая-то старинная мебель, огромное количество красивых ваз, а я все иду, иду... И вдруг кто-то говорит мне, что рядом с домом есть сад, и я выхожу туда и вижу подсохшие кусты роз, какие-то заросшие клумбы, и я начинаю все эти растения поливать, приводить в порядок, и меня переполняет чувство собственности, такое, скажу я тебе, это чудесное чувство! Что бы это значило?

— Что ты встретишь хорошего парня, может, неуверенного в себе, и сделаешь его по-настоящему счастливым, вселишь в него эту самую уверенность, понимаешь? И вы по-

любите друг друга...

Подруги рассмеялись. Но потом лицо Оли стало серьезным. Она задумалась.

Валя знала этот взгляд и это состояние подруги, она хотела что-то сказать, но не была уверена в этом.

– Говори! – махнула, слово разрешая, Валентина. – Что у тебя там? Снова какая-то идея?

– Ну да...

– У тебя хорошие идеи. Если бы не ты, мы до сих пор ютились бы в комнате, в этой жуткой квартире с ржавой грязной ванной и этим алкашом, не говоря уже о бессонных ночах из-за беспокойного ребенка... А теперь мы здесь, в чистоте и уюте. Спим на удобных кроватях, живем, как королевы! Так что у тебя там?

– Даже не знаю, с чего начать...

– Да говори уже! – Валя была заинтригована.

– Ты можешь понять не так... – Оля собралась и произнесла: – Специалист по объятиям.

– В смысле?

– Понимаешь, у нас это еще не развито... Люди, как правило, путают это с другой профессией. С древнейшей. Но это не так... Ладно, слушай. Пару дней тому назад я обслуживала один столик, там клиент был капризный, требовал, чтобы ему заменили блюдо, и все такое... Короче, встал не с той ноги, наверное. И вот после того, как он все-таки ушел, изрядно подпортив мне настроение, я убирала

со стола и случайно подслушала разговор двух девушек за соседним столиком. Одна из них сказала про моего раздраженного гостя, типа, что это точно ее клиент. Человек несчастный и одинокий, и если бы он обратился «к нам», она так и сказала «к нам», то в его жизни все бы изменилось. Да, он богат, явно успешен в бизнесе или где он там зарабатывает, но когда приходит домой, то сидит себе в уголке и плачет, и ни один человек из его окружения не может ему помочь. Я, слушая ее, даже про тарелки забыла, застыла, подслушивая, что совершенно недопустимо. Оглянулась и увидела скромную на вид девушку, они с подругой пили шампанское. Ну не похожа она была на проститутку. Милое такое лицо порядочной девушки. Я была заинтригована. Кто же она такая? Скорее всего, психолог. Мне уже надо было уносить поднос с грязной посудой, я ушла, но быстро вернулась, чтобы поменять скатерть, и стала делать это очень медленно. Я ловила буквально каждое произнесенное девушкой слово. И она, заметив меня, нет, не в том смысле, что я ее подслушиваю, а что просто работаю, меняю скатерть, тихо так произнесла, обращаясь к собеседнице, мол, что ее работа гораздо лучше, интереснее официантки, что ей не приходится носить тяжелые подносы и улыбаться всем подряд. Что она, эта девушка-психолог, как я предположила тогда, работает душой. Что обнимает и выслушивает человека, который платит ей за это. Что она «специалист по объятиям».

– Ого! Интересненько! Кажется, я видела американский сериал, там один миллиардер, мужчина в возрасте, очень активный и проворный, в какой-то момент понял, что у него кризис, что ему стало как-то очень тяжело жить, просто невозможно. И вот тогда к нему на помощь пришла девушка. Специально обученная девушка из фирмы. Она просто обняла его и прижала к себе, и он разрыдался! Ему, оказывается, просто необходимо было, чтобы его обняли, выслушали... Что он не смог бы получить этого тепла от близких ему людей, а вот от этой чужой девушки получил все. Он был как цветок, засохший и больной, который полили, и он снова расправил свои стебли и листья и зацвел. Вот.

– Да уж... Получается, что и у нас в Москве есть такая контора?

– Значит, есть.

– И что ты предлагаешь? Отправиться туда и попытаться устроиться?

– Для начала надо бы все узнать, найти в интернете всю информацию о таких фирмах. Созвониться, договориться о встрече и поговорить, узнать, какие там условия, что для этой работы нужно. Ну и, главное, выяснить, не связана ли эта деятельность с проституцией, понимаешь? Это мы, девушки, можем пообниматься и не возбудиться, а мужчины сделаны из другого теста. Что, если клиент набросится на тебя? Что тогда делать?

– Что ж, давай, изучай этот вопрос. Но сразу тебе ска-

жу — я на такое не способна. Я не смогу обнять чужого человека за деньги. Выслушать еще могу, но чтобы обнять... Нет. У меня не получится, хоть озолоти меня.

— Да я и про себя еще не знаю, трудно себе все это представить... Но согласись, тема интересная, оригинальная.

— Действуй! Может, таким образом и познакомишься с хорошим парнем? Я же только что рассказала тебе про твой сон... Полеешь растение, и оно оживет. Приласкаешь мужчину, и он твой! Ладно, пора спать. Я в душ...

3. Май 202... г.

Матвей Льдов, известный в столице бизнесмен, холостяк и просто красивый мужчина, вот уже три года жил в своем новом доме в Бородах, не впуская в свою жизнь женщин.

Он понимал, что своим отсутствием интереса к ним вызывает подозрение у коллег и друзей, но ему было даже лень шутить по этому поводу: он был вполне внешне здоровым, крепким парнем тридцати восьми лет и особо не заморачивался тем, что подумают о нем его окружающие. Близкие друзья знали, что он традиционной ориентации, что же касается остальных, ему не было до них никакого дела.

Девушки, с которыми он встречался прежде, разочаровывали его в первый же день: ну ничего, кроме корысти, он в них не видел. Не один раз он, переодевшись в дешевую одежду и пересев на арендованный специально для таких случаев простенький, старенький автомобиль, пытался познакомиться с девушками. Начать разговор и пригласить на свидание – это было легко, женщин он не боялся. Но встретившись с девушкой, он, затеяв проверку, не спешил приглашать ее в кафе или тем более в ресторан. Просто гулял с ней, беседовал, пытался рассказать о себе, о том, где он работает (когда представившись строителем, а когда и учителем), и в какой-то момент понимал, что это свидание – первое и последнее.

Девушка сразу же начинала намекать на то, что пора бы уже и выпить чашку кофе, а заодно и перекусить. Задавала вопросы о том, москвич он или нет, есть ли у него жилье, не женат ли, есть ли дети и сколько он зарабатывает.

С одной стороны, он понимал, что каждая девушка мечтает выйти за обеспеченного мужчину, чтобы родить ему детей, но неплохо было бы хотя бы немного узнать этого парня. Поговорить с ним, заглянуть ему в душу. Поинтересоваться, что ему-то нужно от жизни. Хочет ли серьезных отношений или нет.

Он всегда отвечал по-разному. То москвич, то приехал на заработки из Саратова. То женат, то холост. Иногда ему казалось, что он таким образом развлекается, но потом понимал, что все делает правильно: как еще иначе проверить девушку и ее намерения без этой бутафории?

Ни одна еще не поделилась с ним своими впечатлениями о прочитанной книге или просмотренном спектакле. Не выразила своего желания пойти на выставку или просто поехать в какое-нибудь интересное место, где можно что-то посмотреть, прогуляться.

На его же вопросы девушки отвечали нехотя, мало что рассказывали о себе. Словно главной их целью было узнать, насколько он перспективен, есть ли у него деньги, квартира и прочее.

Он понимал, что мало кто из девушек вообще читает книги или ходит в театр, что многие их тех, с кем он

встречался, приезжие, провинциальные девчонки, приехавшие в столицу с единственной целью – выйти удачно замуж.

Пусть так. Он готов был даже познакомиться и с такой девушкой. Тем более что и сам хотел уже создать семью. Он мог бы помочь ей с образованием, сам бы пристрастил ее к чтению, водил бы ее в театр или филармонию, все бы для нее сделал, если бы только почувствовал в ней хорошего человека. Если бы увидел в ней добрую и ласковую девушку, а не нахрапистую, решительную девицу, приехавшую в Москву устраивать свою жизнь.

И что больше всего поражало Матвея в этих особах, что все, как одна, уже очень скоро понимая, что он, хоть и красив, но беден, начинали ему грубить, как-то нехорошо, презрительно подшучивать и даже материться! Особенно резко их поведение начинало меняться, когда они видели, на какой машине он приехал на свидание.

Только одна девушка, вернее даже молодая женщина, мать-одиночка с годовалым ребенком (которого она, придя на свидание, оставила у соседки), поначалу показалась ему вполне приличной и душевной. Вот она действительно много читала и даже сама писала стихи. Увлекалась музыкой, говорила, что играет на гитаре и любит готовить.

Да только перед тем, как расстаться, она попросила подвезти ее в супермаркет, где вместо ожидаемых нормальных продуктов она положила в корзину шесть банок пива.

Матвей предложил ей купить смеси, молоко и фрукты

для ребенка, мол, деньги есть, он все оплатит, и тогда она схватила с полки бутылку водки...

Конечно, бывали в его жизни и просто случайные связи, но после проведенной с девушкой ночи у него всегда возникало чувство вины и стойкое желание как можно скорее расстаться и больше никогда ее не видеть. Был по молодости опыт и с проститутками, но все они вызывали в нем чувство гадливости, жалости. После каждой такой встречи он всегда проверялся, здоров ли он, не подцепил ли заразу.

В гигиенических, как он сам считал, целях он встречался с одной сорокалетней замужней женщиной, Соней, работавшей в его компании в отделе кадров. Они встречались два года в снятой Матвеем квартирке неподалеку от офиса по средам и пятницам, и ни одна душа об этой связи не знала. В знак благодарности Матвей платил ей, нисколько при этом не смущаясь и не считая ее проституткой, просто зная, что у нее двое детей и пьющий муж. И очень ценил ее за молчание.

Женщина была молчаливая и очень красивая. Ласковая и покладистая. Единственное, что стало напрягать Матвея, так это все чаще появляющиеся на ее нежном теле синяки от кулаков мужа. Он посоветовал ей развестись (что она и сделала) и выкупил для нее и ее детей квартиру, в которой они и встречались. После чего нашел ей работу в другой фирме, помог обустроиться, и они расстались.

Однако время от времени, очень редко, они все же встре-

чались, в гостинице, и Матвей независимо от количества встреч продолжал регулярно переводить ей деньги.

В какой-то момент Матвей понял, что совсем перестал думать о создании семьи, о женщинах – он с головой ушел в бизнес, часто бывал в длительных командировках, работая на износ и находя все новые и новые перспективные проекты. И остановиться уже не мог. Китай – вот где ему виделось будущее для развития его компании.

И вот накануне крупной сделки, когда светил просто грандиозный проект, в который он собирался вложить большие деньги, он вдруг понял, что с ним что-то не так.

Он перестал есть и спать. Домработница Аля, которая работала у него с тех пор, как он въехал в свой новый дом, все приготовленное ею и нетронутое им с его же разрешения, разумеется, уносила домой – Матвей, вернувшись из Москвы, просто лежал, уставившись в потолок, и к еде не притрагивался.

– Не мое это дело, конечно, – говорила, глядя на него озабоченным взглядом, Аля, коренастая черноволосая смуглая девушка, прижав к груди контейнер, набитый отбивными, и мысленно уже находясь дома, за накрытым столом перед телевизором в предвкушении вкусного дармового ужина, – но так нельзя. Вам, Матвей Евгеньевич, кушать надо. Вы вон как много работаете, совсем себя не жалеете, исхудали совсем, кожа да кости остались. Может, вам доктора вызвать? Может, заболели чем?

– Алевтина, идите уже домой, а я как-нибудь сам разберусь, что мне надо, – отвечал с трудом, не видя смысла вообще что-то произносить, Матвей.

Аля готовила хорошо, да и дом содержался в чистоте, но сама она всем своим видом почему-то вызывала в нем чувство отвращения. Его тошнило, когда он видел ее.

Но потом понял, что дело не в Але, ни в чем не повинной домработнице, а в нем самом. Что его тошнит не от нее, а вообще, от всего, что он видит и осязает. От запаха пищи, мыла, свежесвыглаженного белья, даже от аромата цветов в саду! И все потому, постепенно начал понимать он, что все эти запахи были результатом каких-то жизненных процессов, в сущности, это и была сама жизнь.

В доме Аля мыла окна, пылесосила, варила суп, поливала цветы, и во всем этом был смысл, и все производимые ею звуки и заполнявшие пространство запахи были результатом каких-то правильных действий, целью которых были порядок и гармония.

А чем занимался он сам? Что полезного делал? Ну да, работал по-крупному с китайскими бизнесменами, зарабатывал и вкладывал деньги в новые проекты, покупал землю, инвестировал в строительство домов, искал возможность заработать еще больше, и, когда получал большую прибыль, вместо того чтобы, как он мечтал раньше, заняться кино, вложить деньги в экранизацию своего любимого с детства фантастического романа, откладывал это на потом и сно-

ва летел в Китай, чтобы заключить новую сделку, купить, к примеру, крупную партию электровелосипедов или, чем он давно планировал заняться, жемчуг.

От собственных идей, причем вполне себе жизнеспособных, прибыльных, у него буквально лопалась голова. Мыслей было так много, и все проекты казались ему вполне себе реальными, просто возьми и сделай, но в какой-то момент, захлебнувшись в водовороте дел, событий, поездок, он понял, что потерял главное, что двигало им, — вкус к жизни.

Он не получал удовольствия ни от вкусной еды, напитков, красивой одежды, автомобилей, ни от созерцания красивых женщин, природы. Он словно опустел и однажды, проснувшись, голодный и слабый, представил себя пустой лабораторной пробиркой.

И рядом не было никого, кому он мог бы признаться в этой своей слабости, поделиться тем, как ему тяжело, что он, по сути, умирает. Что он словно растратил отпущенные ему на всю жизнь силы вот за эти молодые годы. И все — его жизнь закончена. Хотя физически он был вроде бы здоров.

Конечно, он понимал, что мог бы обратиться к психологам или психиатрам, но это если бы он верил им. Ну не мог он представить себе человека, совершенно постороннего, чужого, который вдохнул бы в него жизнь. Какой-нибудь мрачный и уставший разгребать чужие завалы бед и несчастий доктор-психиатр вряд ли оценит его душевный ущерб пра-

вильно. Вряд ли найдет волшебные слова, которые вернут его к жизни. Их попросту нет. Или, что еще хуже, пропишет ему какие-нибудь успокоительные таблетки. Ну и посоветует, конечно, побольше отдыхать, бывать на свежем воздухе, отправиться в путешествие...

Он так хорошо представлял себе беседу в этом воображаемом хрестоматийным доктором-психиатром, что как будто бы уже много раз побывал у него, послушал, и от этих бесед его затошнило еще больше, чем от запаха готовящегося на плите жирного супа...

Как-то раз утром, приняв душ и вернувшись в постель на слабеющих ногах, Матвей позвал Алю и попросил принести ему завтрак.

«Я машина, у которой закончился бензин».

Так он сказал сам себе, решив, что поест во что бы то ни стало.

Аля, обрадовавшись, что хозяин не умрет в ближайшие пару дней от голода, а она, само собой, не потеряет работу, с радостью принесла ему поднос с овсянкой и кофе.

И каша была вкусной. Он как бы понимал это, не ощущал, а именно понимал, и кофе тоже отличный, но, что самое ужасное, Матвей не видел смысла все это есть! Ну поест он, а дальше-то что?

Единственным близким человеком, которому он мог бы рассказать о своей беде, была мама. Но она не так давно вышла замуж и переехала из Москвы в Питер.

Он не будет ее тревожить. Зачем? Она так счастлива сейчас со своим художником, что он просто не имеет права нарушать ее покой и мешать ее счастью.

Надо бы отправить ей цветы. Большой букет роз, что явно обрадует ее.

Он уже открыл интернет, чтобы выбрать букет, как вдруг подумал, что, после того как получит цветы, она же непременно позвонит ему и спросит: «Как ты, сынок? Все ли у тебя в порядке?»

И ему придется ей солгать, что все хорошо. А вдруг он случайно обронит что-то такое, что насторожит ее? Вдруг он выдаст чем-то свое состояние? Хотя бы тоном. И тогда она все бросит и примчится к нему, увидит его, похожего на скелет, ужаснется, и тогда уже ее жизнь превратится в настоящий кошмар!

Она подумает еще, что это его состояние вызвано ее браком, переездом. Она такая, всегда считает себя виноватой во всех его бедах. Так было всегда, с самого детства.

Цветы он так и не отправил. Его внимание привлекла всплывшая на экране откуда-то, словно из космоса, реклама, содержание которой потрясло его.

Да быть того не может! Что это? Новая форма бизнеса, развода? Как можно продавать объятия?

Он зашел на сайт почитал отзывы, его интересовали, конечно, мужчины-клиенты. Понятное дело, что все эти отзывы писались не реальными людьми, вряд ли кто написал

бы такое о себе, о чудесном возвращении провалившегося на самое дно депрессии клиента к жизни, такого просто не может быть. Но затея интересная. Разве что она явно обречена на провал.

Матвей даже представил себе, как бы выглядел бизнес-план такого проекта. Смех да и только! И вдруг ему стало совсем плохо, когда он понял, что даже сейчас, когда у него закончились душевные и физические силы, он воспринимает это объявление с точки зрения перспективности бизнеса!

Он и сам не понял, как это случилось, что он позвонил туда.

Договорились о встрече с девушкой. Если окажется, что это проститутка, он даст ей, горемычной, денег и отпустит ее. Хотя бы увидит живого человека, посмотрит на ее реакцию при виде его, больного, исхудавшего, да еще и в пижаме.

Да, он даже пижаму не снимет. Если девушка начнет раздеваться, он просто рассмеется, разведет руками, мол, посмотри, барышня, на кого я стал похож. Ну-ка, обними меня, заставь меня захотеть хотя бы дышать, есть, в конце-то концов! Я сам-то с постели едва встану, не говоря уже о другом...

Он отпустил Алю и, заставив себя переодеться, стал дожидаться приезда своей «спасительницы».

4. Июль 2023 г. Борис

Борис вышел из здания суда около двух часов дня. Дело своего очередного клиента, связанное с разделом имущества, он выиграл, больше его сегодня в Москве ничего не держало, а потому он решил пораньше вернуться домой. По дороге купил цветов, конфет и в прекрасном настроении помчался в Подольск.

Главное, что он увидел, въехав в ворота и свернув под навес, это была машина Наташи.

Ну, слава богу, подумал он, она вернулась. А Петр-то как запаниковал! Вот бедалага!

В доме было тихо. Голубки, значит, в своем гнездышке.

А где же Женя?

В детской няня Соня кормила маленького Мишу.

– Она в саду, – ответила на его немой вопрос няня. – Читает.

Борис улыбнулся. Это ли не счастье? Все дома, все спокойны и счастливы. Малыш растет, стал таким уже тяжеленьким, щекастым. Может, его надо бы пореже кормить, чтобы он не превратился в розового поросенка?

– Чем это вы его, Соня, кормите? – спросил, просто чтобы спросить, Борис, имея самое смутное представление о том, как часто и что вообще кушает семимесячный ребенок. – Котлеты даете?

– Пока нет... Сейчас вот размочила печенье в молочке, – с нежностью глядя на малыша, ответила няня. – Ему нравится.

Няня Соня, чистенькая, аккуратная женщина неопределенного возраста, была одета в голубые брюки и белую блузку. Ее круглое розовое лицо без единой морщинки с мелкими чертами лица делало ее похожей на крупную девочку. И Борис, всякий раз видя ее, представлял себе, какой она была в детстве. Наверняка такой же. Разве что подросла и слегка раздобрела.

– Ну хорошо! – бодро произнес Борис, размышляя, подойти ли к сыну и взять его на руки, прижать к себе его теплое тело, вдохнуть его милый сладко-молочный запах или же оставить в покое, пусть уже кушает.

Вот если бы рядом была Женя, он, конечно же, взял бы малыша, потискал его, зацеловал.

Ну ладно, позже зайду, решил он и, пробормотав Соне «спасибо вам», вышел из детской.

Женю он нашел в саду, она дремала в гамаке под яблоней.

– Привет. – Борис, нагнувшись, чтобы пройти под разросшимися ветвями, подошел к гамаку и сел в плетеное кресло. Сад начал темнеть, солнце скрылось за облаками, пару раз сквозь яблоневую листву добрались до его лица дождевые капли. – Просыпайся, дождь начинается.

Женя открыла глаза. Открыла, но взгляд ее еще туманился, и она сама словно еще спала. И такая при этом была

смешная!

– Боря? – Наконец она проснулась. – А который час?

Она умылась сухими ладонями, замотала головой.

– Половина четвертого. Я просто пораньше приехал. Там цветы на кухне... Надо бы в воду поставить.

– Цветы? Да у нас же полон сад роз, Боря!

– А там не розы, а какие-то другие цветы...

– Спасибо, – Женя протянула к нему руки, и они обнялись. – Наташа вернулась. Она была ну очень удивлена, узнав от меня (само собой), как запаниковал и испугался Петр, когда узнал, что она уехала.

– Не представляю себе, сколько должно пройти времени, чтобы он уже успокоился и начал доверять ей. Так невозможно жить! Если ты постоянно ждешь, что она бросит тебя, то, может, надо бы включить уже мозги и подумать, а ту ли ты женщину выбрал, я прав?

– Ты прав в одном – видимо, прошло недостаточно времени, чтобы он избавился уже от своих страхов ее потерять. Тогда, когда она пропала, исчезла, он ее как бы потерял, для него начался отсчет адского времени, понимаешь? И ему было, видать, так плохо, что он никак не может этого забыть.

– Да все понятно... Это же Петр! Но, с другой стороны, не могу представить себе женщину, которая не оценила бы его по достоинству, которая не полюбила бы его уже за то, что он умеет любить и быть преданным. Да, конечно, он старше ее, у него полно недостатков, он слишком большой фантазер,

неисправимый романтик, чрезмерно добрый и, одновременно, ленивый и тяжелый на подъем, но он умный, милый, его невозможно не любить!

– Как же ты любишь своего брата! Помоги-ка! – Женя протянула руку Борису, и тот помог выбраться ей из глубокого гамака. – Нет, это устройство не для меня. Того и гляди свалишься... Да с него все падает. Вон и книга упала в траву, плед...

Дождь тихо зашуршал, зашумел в листве, Женя с Борисом, подхватив подушки, книгу и плед, побежали к дому. На террасе, успевшие слегка промокнуть, обнялись и поцеловались.

В такие минуты Женя всегда спрашивала себя, как она могла когда-то злиться на Бориса, раздражаться в моменты, когда он упрекал ее за то, что она так активно занимается своими «дурацкими» расследованиями, помогая Реброву, их семейному другу, следователю и просто хорошему человеку. А как она могла вообще однажды взять и уехать из дома, чуть ли не на целый месяц, бросив его просто потому, что приняла его чрезмерную, как ей тогда показалось, заботу за извинения, словно он изменил ей. А ведь они тогда только поженились, и он просто любил ее, заваливал подарками, цветами, был с ней необычайно ласков. И как она могла заподозрить его в измене? Вероятно, все дело в том, что она никогда прежде не встречала такого мужчину, такую любовь.

Из приоткрытого кухонного окна доносились голоса.

Смех.

Женя с Борисом понимающе переглянулись. Потом взяли за руки и вошли в дом.

– Ну что, нашлась пропажа? – загремел Борис, едва войдя на кухню, где за столом сидели и пили чай счастливый и сияющий Петр и бледная, осунувшаяся, с застывшей улыбкой на лице Наташа.

А ведь она беременна, предположила Женя. Может, она ждет от Петра предложения, а он все никак не решится?

Вот такие мысли почему-то возникли сразу, как только Женя обратила внимание на нездоровый вид молодой женщины.

– Привет, моя дорогая, – Женя вошла и приобняла Наташу. – Ты здорова?

– Здорова. Хотя... Ты права, у меня с самого утра болит голова.

– Так где ты была-то?

Борис между тем открыл холодильник и достал овощи. Сделал знак Петру, тот вскочил со своего места, и братья, к великому удивлению Жени, принялись готовить салат.

Женя с Наташей вышли из кухни и теперь разговаривали в холле, чтобы мужчины их не слышали.

– Да ездила посмотреть один дом... Я не знала, что здесь меня потеряют.

– Вы на самом деле хотите уехать отсюда? Наташа? Вы серьезно?

– Да я теперь уже и не знаю... Понимаешь, рано или поздно мы поженимся, у нас пойдут дети... Во всяком случае, мне бы этого очень хотелось. Это я про детей.

– Дом огромный! Здесь всем места хватит. Ты только посмотри, в каком прекрасном месте мы живем! Какая природа! Сад! Если хочешь, можешь переделать весь второй этаж по своему вкусу. Я бы очень, очень хотела, чтобы вы здесь остались. И я тебя полюбила, и Борис будет тосковать без брата...

– Посмотрим... и сама уже не знаю...

Раздался звук подъезжающей машины, это вернулась с покупками Галина Петровна, домработница. Для этих целей хозяевами было принято решение нанять водителя с собственным автомобилем. Им оказался хороший знакомый Галины Петровны, ее сосед, Юрий Петрович, проживающий, как и она сама, неподалеку в поселке. Мужчина пенсионного возраста, но довольно еще крепкий, всегда опрятный, выбритый и хорошо пахнущий, он, по мнению домочадцев, был влюблен в Галину и потому, получив от нее предложение подработать, обрадовался возможности почаще видеть ее и помогать, сопровождать на рынок в Подольск, по магазинам в Москву, а заодно и возить на работу и домой.

Подъехав к самому крыльцу, Юрий Петрович вышел из машины, открыл багажник и принялся выгружать и относить на кухню тяжелые пакеты с продуктами.

Галина Петровна, розовая от смущения, взглянула на сто-

ящих в холле Женю с Наташей, чуть ли не извиняясь:

– Вы уже обедали? Я суп сварила, рагу овощное приготовила, вы нашли? Я оставила все на плите.

– Да мы заняты были, – ответила Наташа, которой сейчас было явно не до еды. – Вы не переживайте, мы все найдем и съедем.

Галина Петровна стремительно вошла на кухню и, увидев, как Петр сыпает зеленью салат, а рядом с важным и гордым видом стоит Борис с полотенцем в руках, всплеснула руками:

– Вы сами это приготовили?

– Ну да! – гордо ответил Борис. – Уж что-что, а салат я готовить умею. Нарезал овощи, посолил, полил маслом – и готово дело!

Юрий Петрович, поздоровавшись с братьями чуть заметным кивком, опустив пакеты с покупками на пол, буквально пулей вылетел из дома, как если бы и он, как и его приятельница, чувствовал себя виноватым за свои трудно скрываемые чувства к Галине Петровне.

Борис с Петром переглянулись и с трудом удержались, чтобы не расхохотаться в голос.

– Я сейчас мигом накрою на стол... И суп, и рагу, и мясо... – засуетилась, надевая фартук, Галина Петровна. – Вот только руки сейчас помою...

Во время обеда, который проходил необычайно весело, все шутили, смеялись, Борису позвонили. И судя по выра-

жению его лица, звонок был не из приятных.

– Еще раз повторите, пожалуйста, адрес.

Оказалось, что у него только что появился новый клиент, и Борису надо прямо сейчас, вечером, срочно ехать в Москву, в управление Следственного комитета.

– Боря, только не говори мне, что тебя вызвали как адвоката по назначению! – удивилась Женя. – Тебя!!!

– Нет, не по назначению, – вздохнул Борис. – Клиент солидный. У него, само собой, есть и свой адвокат, Гусев, между прочим, ты его знаешь, но он сейчас в отпуске, а Льдова вроде бы задержали...

– А кто такой Льдов? – спросила Наташа. – Надо же, какая холодная фамилия.

– Бизнесмен, – коротко ответил Борис, промокая губы салфеткой и вставая из-за стола.

– А Гусев, это тот самый Гусев, у которого мы были зимой на юбилее? Такой краснолицый и очень худой мужчина с мертвыми глазами?

– Надо же, как ты его описала... Да, это он. Хороший адвокат, кстати говоря.

– Боря, доешь хотя бы! – Женя тоже встала. – Уже вечер... Ну куда ты сейчас поедешь?

– Надо же помочь человеку.

– Видимо, влип этот ваш Льдов, – задумчиво проговорила Наташа. – Господи, как хорошо, что ты, Петр, не адвокат, а писатель! Свободный художник!

Борис между тем быстро переоделся, поцеловал жену, которая вышла провожать его на террасу, сел в машину и поехал в Москву.

Какой странный звонок. Сначала по телефону он услышал голос самого Льдова, тихий и взволнованный.

Тот говорил сбивчиво, заикаясь, но суть Борис понял: Гусева нет в стране, а ему, Матвею Льдову, срочно нужна помощь. Сообщить адрес Следственного комитета он не мог.

Спрашивается, почему? Либо его привезли, либо он, приехав сам, растерявшись, тотчас и забыл адрес. А потому передал телефон следователю, Ивану Сергеевичу Кузнецову. Борис и с ним тоже не был знаком.

Что ж, разберемся, подумал он.

Он вбил адрес в навигатор и помчался.

Иван Кузнецов, молодой следователь, оставил их в кабинете для предварительной беседы.

– Слушаю вас. – Борис сел напротив высокого худого молодого человека, брюнета с голубыми глазами. И сразу почему-то подумал, что дело, по которому этот красавчик здесь оказался, связано с женщиной.

Еще, глядя на него, хотелось спросить, когда он последний раз ел. Ну такой худой, со впалыми щеками, синяками под глазами. И очень болезненный серый цвет кожи. На нем были голубая рубашка и серые брюки.

– Я никого не убивал, а меня обвиняют в убийстве какой-то девушки только лишь потому, что у нее нашли мою

визитку.

– Не думаю, что вас обвиняют. Скорее всего, вас просто задержали как возможного свидетеля. Надеюсь, вы еще ничего не говорили следователю?

– Я молчал как рыба. Насколько я понял, девушку нашли недавно. Мне даже фотографии ее не показали. Вообще ничего! Я был на работе. Меня попросили приехать сюда, и вот я здесь.

«Ага, значит, приехал все-таки сам».

– Тогда вам и вовсе нечего беспокоиться. Вас не арестовали. Просто попросили приехать и ответить на некоторые вопросы. Только я не понял... Если вам не показывали фотографию, то как вообще могли задавать вопросы, знакомы ли вы с ней.

– Представьте себе, просто назвали ее имя и все: Карина. И фамилию, да только я не запомнил. Но у меня нет знакомой по имени Карина.

– Когда была убита девушка, вам известно?

– Нет, я ничего не знаю. Я просто утром встал и поехал на работу. Все.

– Хорошо. Тогда поступим следующим образом. Вам станут задавать вопросы, и вы спокойно на них отвечаете. Повторяю – спокойно.

Между тем Льдова прошиб пот. Он явно перенервничал.

Борис подумал, что либо Льдов по природе такой нервный, и тогда удивительно, как он мог так высоко подняться

(по дороге он позвонил приятелю и навел справки о своем подзащитном), ведь бизнес требует от человека определенных качеств, силы духа, наконец, собранности и решительности, либо он реально чего-то боится.

– Если вы не знаете эту девушку и никогда ее не видели и, стало быть, не убивали, то так и говорите. И не надо так сильно волноваться.

Льдов молчал. Только кивнул.

– Вот и хорошо.

Конечно, это был никакой не допрос, а просто беседа, которая к тому же длилась от силы четверть часа.

Льдова отпустили, Борис же остался побеседовать со следователем. Узнал, что в Подмоскowie, неподалеку от шоссе в районе Одинцова жителем деревни Бородки был обнаружен труп молодой женщины со следами насильственной смерти – ее зарезали. При девушке был паспорт на имя Карины Николаевны Жуковой, с временной регистрацией в Москве. В сумочке, помимо визиток стоматолога и маникюрного салона, нашли визитку владельца инвестиционной компании «Вискера инвест-центр» Льдова Матвея Евгеньевича.

Смерть девушки наступила, предположительно, сегодня утром. Точное время смерти пока не удалось выяснить, еще рано. Но пока что, на этом этапе расследования, можно было предположить, что алиби у Льдова есть – помощник следователя успел побывать в офисе компании, побеседовать со

свидетелями и отзвониться Кузнецову.

– Вы вызвали Льдова только на том основании, что у девушки нашли его визитку?

– Не только. Льдов проживает в Бородах, – задумчиво произнес Кузнецов.

Борис сдержал себя и никак не прокомментировал эту информацию. Главное – у следствия на его подзащитного ничего нет, и его отпустили.

Борис попрощался со следователем, вышел из здания и неподалеку от своей машины увидел Льдова. Тот явно поджидал его.

– Вы уж извините, что я сорвал вас так поздно. Совсем растерялся без Гусева. Убийство... Тут каждый испугается. Сколько я вам должен?

– Да вы что, Матвей Евгеньевич! Я же ничего не сделал! Да и дела-то никакого в отношении вас нет. Пусть ищут настоящего убийцу.

– Все равно спасибо. Вы меня здорово поддержали.

– Бросьте... Чем?

– Просто своим присутствием.

Мужчины пожали друг другу руки и сели каждый в свою машину.

По дороге домой, мчась по сверкающей вечерними огнями Москве, Борис вдруг подумал: а что, если это он убил эту девушку утром, а потом поехал домой?

Тот факт, что Льдов проживает в деревне, рядом с кото-

рой и убили девушку, напрягал. И почему Льдов сразу не рассказал ему об этом?

5. Май 202... г.

– Так он не в деревне живет? – воскликнула Оля, когда такси, проехав мимо явно деревенских домов, свернуло на ухоженную улицу, застроенную красивыми, утопающими в зелени садов и сосен коттеджами.

– Да здесь настоящие дворцы! Живут же люди! – крутила головой Оля. – Что-то мне как-то не по себе... А вдруг я не справлюсь?

Таксист, покачав головой и ухмыльнувшись, тихо проговорил:

– Справитесь.

– Уж не знаю, что вы подумали, но мы не такие! – гневно воскликнула Валя.

– Все равно справитесь, – настаивал на своем таксист, симпатичный пожилой дядечка, похохатывая. – Все, приехали, барышни. Выходите.

Машина остановилась у ворот, от которых в разные стороны тянулся высокий оштукатуренный каменный забор, за которым виднелся большой, красивый, с башенками, дом.

Девушки вышли. Таксист, бросив им на прощанье: «Удачи, барышни!» – развернулся и собирался было уже уехать, как Оля, вдруг побелев, крикнула ему:

– Стойте! Мы обратно!

Машина с визгом остановилась.

— Что, передумали?

Валя схватила подружку за руку:

— Ты чего? С ума сошла? Оля?!!!

— Я не смогу. Точно не смогу. У меня ноги подкашиваются, меня сейчас вырвет... Я боюсь.

— Ты дура? Зачем тогда ехали? Зачем соглашалась?

— Не знаю...

— Ну и поезжай. А я пойду. Любопытно же...

— Это ты сошла с ума. Откуда тебе знать, что он с тобой сделает?

Таксист высунулся и расплылся в широкой улыбке.

— Известно, что сделает!

Оля бросилась к машине, открыла дверцу и села.

— Валя, садись! Поедем обратно!

— Езжай. Я останусь.

— Не дури! Садись!

Но Валя уже коснулась пальцем кнопки звонка. И ни на какие уговоры подруги уже не реагировала.

— Ну и оставайся, упрямая!!!

И она уехала.

Кто же живет в этом доме? В этом прекрасном доме? Человек, хозяин, позволивший себе такую роскошь и богатство, просто не может быть несчастлив! Что же могло с ним такого случиться, чтобы он обратился в службу объятий?

Сколько ему лет? Ах да, кажется, тридцать восемь, Оля говорила. Совсем молодой.

Но родители-то у него есть? Братья-сестры? Друзья, наконец? Подружки? Может, он инвалид и передвигается по дому в инвалидном кресле? Или у него какие-то другие проблемы со здоровьем? Может, ему осталось жизни на два вдоха? Разве в этом случае можно подобрать какие-то слова, которые будут способны вернуть ему улыбку? Хотя, разве кто упоминал, что надо с ним разговаривать? Обниматься – вот что ему нужно!

Валентина была заинтригована. И вдруг вспомнила, что уже давно позвонила. В чем же дело? Почему никто не вышел на ее звонок?

Она коснулась ручки калитки – открылась! Ага! Значит, хозяин все-таки открыл ее дистанционно. Что ж, это уже неплохо. Хотя бы добрался до пульта и нажал на кнопку. Уже хорошо.

Вот так, не представляя себе, что ее ждет и чем ей конкретно придется заниматься с несчастным хозяином дома, Валя вошла в калитку, огляделась и, подивившись красоте весеннего сада, двинулась по дорожке к дому.

Было прохладно. Она запахнула куртку и подумала, что ее озноб, наверное, все-таки нервный. Хотя синоптики обещали сегодня всего-то двенадцать градусов тепла, маловато будет для мая. Хоть бы в доме было тепло.

Она поднялась на крыльцо, и тотчас тяжелая, массив-

ная дверь отворилась, и она увидела высокого худого мужчину с синими глазами. Черные волосы, бледное лицо. Потухший, безжизненный взгляд.

Увидев Валу, он, даже не дав себе труда улыбнуться хотя бы из вежливости, сказал:

– Привет!

– Привет! – отозвалась она.

Он впустил ее в дом. Тепло. Здесь очень тепло.

– Проходите вот сюда, пожалуйста, в гостиную.

Он шел впереди, даже не шел, а плелся, словно у него совсем не осталось сил. А она – позади, разглядывая его длинную спину, длинные ноги... На нем был пуловер в тон глаз и черные джинсы.

Он провел ее в гостиную – почти пустую, однако с удобными современными креслами и огромным диваном, заваленным подушками. Центральную стену комнаты занимал экран телевизора.

Он развернулся и посмотрел ей в глаза.

– Вас как зовут?

– Зовите меня Лорой, – моментально придумала Валя.

– Ну, здравствуйте, Лора.

– А вы Матвей?

– Да.

– Матвей, как же я рада видеть тебя... – проникновенным голосом произнесла она, протягивая к нему руки и, зажмурившись, как если бы входила в холодную воду, прибли-

зилась к нему вплотную и обняла его за шею, прижала к себе.

Она ожидала всего, даже того, что ее сейчас оттолкнут от себя или скажут какую-нибудь грубость или глупость, но Льдов обнял ее в ответ и прижался к ней.

— И я, я тоже рад тебе...

Какое-то время они стояли, обнявшись. Потом она увлекла его на диван, посадила рядом с собой, и, глядя в его красивые синие глаза, спросила:

— Что с тобой случилось? Что с тобой, мой хороший? — И от этих слов у нее самой навернулись слезы.

Это было удивительное, ни с чем не сравнимое чувство, вспыхнувшее в ней вдруг к совершенно незнакомому и ужасно несчастному человеку. Ей стало его так жаль, так искренне жаль, что она поняла — она теперь не оставит его. Что ему действительно очень, очень плохо и одиноко.

— Я не знаю... — прошептал он, глядя ей прямо в глаза.

— Такое бывает. Ну, иди ко мне, иди... Вот так...

Чтобы ей было легче, она представила себе, что Матвей — ее брат, с которым они давно не виделись и который попал в затруднительное положение.

Она позволила ему положить свою голову ей на колени и теперь тихонько тербила его волосы. Черные, шелковистые, пахнущие шампунем или духами.

— А ты возьми и расскажи мне все... Представь, что я тебе приснилась и что я — тот самый человек, ну, знаешь,

как попутчик в поезде, которому ты можешь доверить все свои секреты. Или просто помолчи, так тоже будет хорошо...

Она наклонилась, чтобы поцеловать его голову. Потом еще и еще, словно он был самым дорогим для нее человеком. Он полулежал на диване, и тогда она предложила ему разуться и лечь поудобнее, не убирая головы с ее колен.

– Я не знаю, что мне сказать. У меня просто закончились силы, – судорожно вдохнул Матвей.

– Понимаю... У меня тоже такое бывает. Но это проходит... Ты лежи, лежи...

И вдруг он поднялся и посмотрел на нее с болью, словно еще не веря в то, что сейчас с ним происходит.

Она поняла этот взгляд. Льдов словно спрашивал: кто ты такая и что здесь делаешь? Он словно очнулся.

Она снова протянула руки и обняла его, прижала к себе. И тогда он снова отозвался на этот ее жест, дал себя обнять, и, удивительное дело, ей тоже стало как будто бы легче. Ее отпустило. И все те страхи, которые тоже одолевали ее с той самой минуты, как Оля уехала, отступили. Она глубоко вздохнула.

– Я очень, очень хорошо тебя понимаю... Знаешь, я что-то замерзла... Ты не подвинешься?

И она, сама не зная, что делает и как к этому отнесется мужчина, которого она видела первый раз в жизни, легла рядом, положила ему голову на плечо и обняла. И он тоже

обнял ее. И так они лежали довольно долго, пока он не уснул.

Невероятно! Она не могла в это поверить! Если бы ей кто рассказал об этом, она бы реально удивилась. Красивый молодой мужчина, впервые увидев девушку, прижался к ней и, пусть на какое-то время, расслабился, успокоился и уснул!

Она помнила про запретные в таких отношениях зоны. Никакого намека на секс. Только объятия, нежные прикосновения и тихий разговор.

– Да ты ж мой хороший... – Она гладила его рукой по плечу, приговаривая что-то нежное, ласковое.

Она действительно жалела его. Не знала, что с ним случилось, но уже жалела. Даже если окажется, что он убил человека и теперь никак не может прийти в себя, вернуться к нормальной жизни, она все равно ему поможет.

Он проспал целых полтора часа! У Вали затекли ноги, ей давно уже хотелось повернуться на другой бок или даже встать, чтобы размяться, но она продолжала лежать, обнимая Льдова.

Когда же он проснулся и увидел рядом с собой ее, то несколько не удивился. И тогда она поняла, что он принял эту игру – не игру. Она не знала, каким словом назвать то состояние, те телодвижения, которые они оба использовали, чтобы согреться душой. Объятия. Теперь уже он обнял ее и поцеловал в висок.

– Кажется, я спал... И так мне было хорошо и спокойно!

– Я тоже уснула, – солгала она, решив, что не совершает при этом никакого преступления. Пусть он поймет, что и ей рядом с ним спокойно.

И вдруг он встрепенулся. Даже встал, но, видимо, у него закружилась голова, потому что он схватился за висок и снова сел, потерся щекой о ее плечо:

– Послушай, может, ты голодна?

Она промолчала. Это Олю проинструктировали, научили, как себя держать с клиентом, и вообще что делать. Это для нее Матвей Льдов был бы клиентом. Но для Вали он совершенно неожиданно стал просто несчастным, жаждущим человеческого тепла и участия человеком. А потому ей не писаны никакие законы. Она должна вести себя естественно. Как подсказывает ее сердце.

– Да, я не завтракала... – она снова солгала.

Ей хотелось, чтобы он увлекся ею, ее присутствием, чтобы вел себя, как и подобает хозяину, чтобы продемонстрировал перед ней свое гостеприимство.

– Замечательно! – Он всплеснул руками, и Валя обратила внимание на его длинные тонкие пальцы. – Ты кашу будешь? Овсянку? Мне Аля наготовила тут, и я ее отпустил.

Но стоит ли спрашивать, кто такая Аля? Жена? Домработница? Валя ничего о нем не знала. Каша так каша!

Он, похоже, на самом деле растерял где-то все свои силы. Валя подставила ему свое плечо, когда он, словно тяжелобольной, добирался до кухни.

— Вот, в кастрюле каша, ты сама возьми из холодильника что хочешь. Масло, икру... Аля заказывает мне икру, чтобы я поскорее поправился.

И тут она не выдержала:

— Это твоя жена?

— Я не женат и вряд ли женюсь. Аля — это моя помощница по хозяйству.

Он без сил опустился на стул, Валя же, преодолевая неловкость и нерешительность, согрела себе кашу в микроволновке, сварила кофе, достала масло, хлеб и начала есть.

— Каша — фантастика! Ты уже завтракал?

Он поджал губы.

Валя встала и подошла к нему, обняла, поцеловала снова в волосы. Прошептала ему в ухо:

— Мне скучно одной есть и неудобно... Давай хоть ложку тебе положу...

Он ел кашу. Попросил маленькую ложку, чайную. Ел кашу, запивая ее чаем.

— Ты пойми, еда — это наслаждение. Это очень вкусно. И придает силы. Сейчас тебе булочку маслом намажу... И не сопротивляйся.

Чего она боялась больше всего? Что он вдруг очнется и прогонит ее, обматерит, наговорит грубостей и гадостей. Спросит, глядя ей в глаза: ты кто такая? Как сюда попала?

А вдруг он сумасшедший? Вдруг опасен? Психически болен?

Поев, он посмотрел на нее с любопытством. Как вполне себе нормальный человек.

— Лора... Это же твое ненастоящее имя?

— Настоящее, — вновь солгала она.

Зачем ему знать, кто она и как оказалась у него? Сколько еще и как долго ей придется ему лгать?

— Ну и ладно... Я знаю, что тебя зовут Ольга. Но Лора так Лора. Очень красивое перламутровое имя.

— Я так рада, что ты поел.

Они снова вернулись в гостиную, прилегли. Обнялись. И снова он уснул. Видать, ему на самом деле надо было набираться сил.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — сказал он, проснувшись, и Вале показалось, что он сейчас заплачет.

— Я и не уйду.

Он приподнял голову:

— Правда? Останешься со мной?

— Останусь.

Она хотела сказать, что ей надо только предупредить кое-кого о том, что она не придет ночевать, но сразу передумала. Пусть он думает, что и она тоже одинока. Что ее никто не ждет.

Когда он снова крепко уснул, она встала с дивана, обошла дом. На втором этаже, в дальней комнате, уверенная, что ее не услышат, она позвонила Оле.

— Все нормально. Не переживай. И не звони.

– Валя!

– Это все.

И она отключила телефон.

6. Июль 2023 г.

– Как я и предполагал, этот Льдов просто решил перестраховаться. Знаешь, эти бизнесмены, может, в своем деле смелые и решительные, даже, я бы сказал, рискованные, но коснись их уголовщина, как они сразу же превращаются в слепых и напуганных котят, – рассказывал Борис, войдя в спальню, где его дожидалась Женя. Он только что принял душ, на нем была чистая белая сорочка и домашние широкие штаны. Мокрые волосы он успел расчесать и выглядел необычайно свежим, бодрым и словно отдохнувшим, несмотря на поздний час. Обычно в это время он, вернувшись из Москвы, старался скрыть свою усталость. Сейчас же он был преисполнен сил и хорошего настроения, как человек, удовлетворенный своей работой и теперь имеющий право на отдых.

Время перевалило за полночь, Женя полулежала на постели, обложившись подушками, и при свете лампы пыталась читать.

На самом же деле ее мысли были далеко от перечитываемого ею романа «Анна Каренина», ее обуревало любопытство – что это за история приключилась с новым клиентом мужа.

– Уголовщина, ты сказал?

Борис, раздевшись, нырнул под одеяло и прижался к жене.

– Представляешь, его вызвали на беседу как возможного

свидетеля, а он от страха совсем потерялся. Девушку сегодня нашли, за городом. Ее убили. А в ее сумочке была его визитка.

– И кто она такая? Как ее убили?

– Честно говоря, фамилию я тоже, как и Льдов, не запомнил. Ее звали Карина. Ему даже фотографии не показали, просто спросили, знаком ли он был с девушкой с таким именем.

– Постой, его вызвали только лишь из-за визитки? Да у каждого человека в сумке может быть с десятков визиток...

– Вот и я о том же. Но здесь есть кое-что, что и меня насторожило: ее нашли неподалеку от поселка, это в Одинцовском районе, где как раз и проживает Льдов.

– А... Теперь понятно. И что же? Они отпустили его?

– Разумеется.

– Значит, нет никакого дела?

– Надеюсь. Ты бы видела его – он от страха был сам не свой.

– Получается, ты только зря прокатался?

– Ничего. Возможно, Гусев когда-нибудь и мне поможет. Все-таки это его клиент. И, если бы он был в Москве, то сам бы занимался своим клиентом.

– Ну да... Людям надо помогать.

– Как Миша?

– Все в порядке. Растет, – улыбнулась Женя. – Сегодня я сама его укладывала. Соню я отпустила. Галина Петровна

тоже ушла пораньше, кажется, они с Юрием Петровичем сегодня отправились в театр.

— Ну и хорошо, она хорошая женщина. Главное, чтобы не разочаровалась в своем кавалере.

— Да вроде бы у них все серьезно. Меня больше беспокоит, чтобы она, выйдя, предположим, за него замуж, не ушла от нас. Я к ней уже привыкла, да и готовит она хорошо.

Борис спросил Женю про Петра с Наташей, к счастью, там все было спокойно, они весь вечер провели в своей комнате. А это значит, что Петр успокоился, что для Бориса было важным.

— Ладно, Боря, давай уже спать. Поздно...

Она отложила книгу, погасила лампу, повернулась к мужу и дала себя обнять.

Около трех часов ночи она услышала звук шагов неподалеку от их спальни.

Шаги были тихими, но почему-то насторожили Женю. Она окончательно проснулась, когда поняла, что шаги удалились в направлении кухни. Может, Петру стало плохо? Или кто-то захотел пить?

Она поднялась, набросила на плечи пеньюар и вышла, тихо затворив за собой дверь. Прямоугольник света на ковровой дорожке холла говорил о том, что в кухне кто-то есть.

Это была Наташа. В пижаме и с тюрбаном из полотенца на голове она сидела, поджав под себя ногу, и пила кофе! Ночью!

– К тебе можно?

– Заходи, – улыбнулась одними губами Наташа. – Мне что-то не спится. Вот, решила душ принять да кофе сварила. Будешь?

– Кофе в три часа ночи? Ну уж нет. Что-нибудь случилось? Почему тебе не спится? Поссорились?

– Нет, что ты! – замахала она руками. – Петр спит, как сурок. А мне как-то беспокойно на душе. Думаю все, почему он такой паникер, почему не доверяет мне. Подумаешь, уехала на пару часов. Ну, может же у меня быть и свое странство? Мы же с ним круглые сутки вместе. И мне не то что в тягость, нет, это другое. Просто иногда мне кажется, что он словно контролирует меня, понимаешь?

– Еще как понимаю! У меня же и Борис такой. Ты же сама знаешь.

– Братья! – хором воскликнули они и засмеялись.

– А что Борис? – успокоившись, спросила Наташа. – У него новый клиент?

– Нет. Он просто бесплатно поддержал одного человека. Того просто вызвали на беседу как свидетеля, а он напугался до смерти.

– Так свидетель же!

– Да, это так. Просто там девушку одну убили, а у нее в сумке оказалась визитка этого Льдова.

– Убийство? Это уже интересно... – куражась, улыбнулась Наташа. – Вот если бы это он убил, а твой Борис взялся его

защищать... Хотя нет, не так. Зачем нам настоящий убийца? Вот если бы его обвинили в убийстве, притом что он никого не убивал, вот это было бы интересное дело. Мы бы с тобой впряглись, да? – И она подмигнула Жене. – Что? Я становлюсь похожей на вас с Тоней? Как у нее, кстати, дела?

– Да все нормально. Они недавно на море ездили всей семьей. Мальчишки растут. Но сейчас лето, и они в основном живут на даче у бабушки с дедушкой. Муж ее, Виктор, хочет строить дом, а я отговариваю их. Зачем, когда можно купить готовый и там все переделать по своему вкусу. Ведь стройка – это так долго и дорого! Он теперь хорошо зарабатывает, Тоня не работает и откровенно скучает. Думаю, если появилось бы какое-нибудь интересное дело, она бы точно приняла участие.

– Да, жаль, что этот товарищ, несостоявшийся клиент Бориса, даже не свидетель...

– Наташа, что ты такое говоришь?! Еще неизвестно, как бы мы с тобой себя повели, окажись на его месте? Я вот лично переживала бы страшно, если бы меня вызвали даже как свидетеля. Все-таки это большая ответственность, во-первых, а во-вторых, мало ли ошибок совершают наши правоохранительные органы? Это Ребров Валера – хороший, вдумчивый следователь и никогда не станет обвинять человека, не изучив все детали дела досконально. А другие-то вообще, чтобы закрыть дело, подтасовывают факты, не обращая внимания на отсутствие в деле серьезных улик против

обвиняемого. Ребров... Что-то я соскучилась по нему.

– Я тоже. Он вроде бы и немногословный, скромный такой парень, но рядом с ним чувствуешь себя защищенной, что ли. Он какой-то настоящий.

– Вот-вот. Ладно, Наташа, закругляйся. И нечего пить по ночам кофе. Кстати говоря, ты уж извини, что лезу не в свое дело. Ты, случаем, не беременна?

– Я? Да вроде нет... Я не проверялась. А что?

– Вид у тебя какой-то нездоровый был сегодня. Тебя не тошнит?

– Нет...

– А ты детей вообще-то хочешь?

– Конечно! И Петр тоже хочет. Я же тебе говорила про дом... Хотели же присмотреть дом, чтобы было все как положено – дети, собака, сад... Да только сегодня целый день разговаривали с ним, все думаем, есть ли в этом смысл? Здесь с вами так хорошо, да и дом, ты сама говорила, большой, всем места хватит. Может, правда подумать, какие преобразования можно сделать на втором этаже, чтобы и у нас с Петром была настоящая спальня, а не так, как сейчас – мы же фактически живем в его кабинете, а ему работать надо, необходимо уединение какое-то, чтобы он мог сосредоточиться... И чтобы детская... Надо бы все хорошенько осмотреть, прикинуть. Ты же поможешь мне в этом?

– А то! Конечно! Я же прирожденный дизайнер! – И Женья, забыв, что все в доме спят, громко расхохоталась.

7. Июль 2023 г.

– Ты пришла... – Льдов, открыв дверь своего номера, застыл, вглядываясь в лицо Лоры. – И это не сон? Это на самом деле ты?

Он протянул руку и дотронулся до ее плеча.

– Да, это ты... И ты пахнешь своими духами...

– Я войду? – спросила она, тоже разглядывая его и с болью понимая, что он снова тот самый, беззащитный и напуганный Матвей, которого она знала и помнила.

Он отступил, впуская ее.

– Ты не представляешь себе, как я рад! Ведь только тебе я могу рассказать, что со мной случилось. Я попал в беду, в беду!!! Проходи!

Он запер за собой дверь.

Она прошла в номер, он усадил ее в кресло, сам сел напротив, не выпуская ее рук из своих. И все смотрел, смотрел...

Она вдруг поняла, чего он ждет. Поднялась и, присев на подлокотник кресла, обняла его. И тогда он, всхлипнув, вскочил и тоже обнял ее, прижался к ней.

– Что с тобой случилось, Матвей? Почему ты здесь? Ты же знаешь все про меня...

– Я бесконечно благодарен тебе за то, что ты приехала ко мне сейчас, ночью... Думаю, тебе это было не так-то и про-

сто... Только прошу тебя, не думай, что я решил злоупотребить твоей добротой или, не дай бог, не считай, что ты обязана мне чем-то... Просто ты на самом деле самый близкий мне человек, и теперь, когда моя жизнь висит на волоске, к кому я еще могу обратиться, если не к тебе? Ты же простишь Олю, что я пытался разыскать тебя через нее?

– Да при чем здесь Оля? У нее своя жизнь, семья, дети...

– Кстати говоря, она так и не дала мне номер твоего телефона. Ни в какую... Вот тогда я попросил ее самой связаться с тобой и попросить тебя помочь мне...

– Матвей, пожалуйста, постарайся взять себя в руки и успокоиться. Садись, расслабься и расскажи, что с тобой произошло?

– Я расскажу, расскажу... – Глаза его блестели, щеки разругались, словно у него поднялась температура. – Только пообещай мне, что ты поверишь именно мне, а не им.

Она не знала, кого он имеет в виду, но пообещала.

Он снял номер в отеле «Марриот», на Тверской. Шикарный, огромный номер, в котором можно потеряться. Да, именно потеряться.

Матвей и выглядел совершенно потерянным. Казалось, этого человека уже никогда и ничего не будет радовать, и он смирился с тем, что будет всегда несчастен. Или же это рок и несчастья сами прилипают к нему?

Она сделала вид, что ничего, ну просто ничего не знает.

– Меня скоро посадят за убийство девушки. Лора, ты слы-

шишь меня? Я не преувеличиваю... Нет, ты не подумай, я ее не убивал, разве я способен на такое? Но меня точно посадят. Рано или поздно вычислят, что я здесь, найдут и бросят в камеру. А там я точно не выживу. Ты же знаешь меня. И никакие деньги мне не помогут... Мой адвокат, Гусев, его сейчас нет в стране, связался с Бронниковым, и он, Борис Михайлович, приезжал, поддержал меня, сказал, чтобы я не переживал, что все это пустое, и меня отпустили... Хотя что значит отпустили? Меня и не задерживали, я сам себе все придумал, напугался... Знаешь, это как в поговорке «на воре шапка горит». Но в том-то и дело, что я не вор, а хуже, получается, убийца! Ненастоящий убийца, но они скажут, что настоящий. Я попал, влип!!!

Глаза его синие были полны слез, голос дрожал.

Лора пересела на диван и предложила ему присоединиться к ней, и он, как дрессированное ею животное, лег, вытянулся вдоль, положив свою голову ей на колени. И ей показалось, что уже один этот ритуал, это действие немного остудило его голову, привело хотя бы немного его мысли в порядок.

Она запустила пальцы в его теплые густые волосы и закрыла глаза. Неужели она здесь, с ним, ночью? Как она могла? Как посмела?

– Я проснулся рано утром, – закрыв глаза, начал он рассказывать, – кажется, на рассвете. Думаю, от запаха крови. И от какого-то дичайшего ощущения дискомфорта, словно

я обмочился... Лучше бы я и не открывал глаза... Ее голова, мертвая голова (!) лежала на подушке, рядом со мной, и повсюду была кровь. Прямо как в жестоком триллере. Как в кино!!!

Лора издала тихий стон.

– Да-да! Я понятия не имею, как она вообще оказалась в моем доме! Я ее никогда прежде не видел. Ну и, понятное дело, в моей руке был нож. Ну, не совсем, конечно, в моей руке, а просто лежал рядом... В крови. Я вскочил и закричал! Поверь мне, я ее не приглашал, у меня с ней ничего не было, но она была голая... Молодая такая брюнетка. Я запаниковал! Я носился по спальне, боясь взглянуть на нее. А чтобы подойти и посмотреть на нее, у меня просто не было сил. Я понял, что случилось что-то очень страшное. И первым человеком, кому я бы мог довериться, была ты. Я позвонил тебе по тому телефону, который у меня сохранился с прежних времен, понимая, что ты давно уже сменила номер... Конечно, мне никто не ответил. Но у меня, к счастью, был номер Ольги. У нас же с тобой была договоренность, что только в самом крайнем случае я звоню ей, а она уже сообщает обо мне тебе. Остальное ты знаешь... Да, я позвонил ей, сказал, что мне необходимо увидеть тебя, но потом, уже спустя некоторое время, я так испугался, что и тебя подставляю, если ты приедешь ко мне, в эту бойню, то перезвонил ей и дал отбой. Мол, я справился, у меня все нормально. Хотя нет, все же было совсем не так...

Он помолчал немного, собираясь с мыслями, открыл глаза и посмотрел на Лору.

– Какие у тебя нежные руки...

– Где труп? – спросила она.

– А трупа нет! Пришла моя домработница Аля. Она – монстр. У нее железные нервы. Нет, она тоже, конечно, испугалась, но потом как-то быстро взяла себя в руки, и на мое предложение, мол, надо вызвать полицию, она, такая всегда кроткая и вежливая по отношению ко мне, бесцеремонно покрутила пальцем у виска. Типа, я что, спятил? Вас, Матвей Евгеньевич, просто посадят, сказала она так уверенно, словно знала наверняка.

– Ты же сказал ей, надеюсь, что не убивал?

– Конечно! Да она и без того ни за что не поверила бы, что я способен убить кого-то. Кроме того, она знает, что у меня и девушки-то нет! Мне бы с собой справиться, мне не до отношений. Ты же знаешь меня... У меня такие жирные тараканы в голове! Да, конечно, тогда, когда мы с тобой познакомились, я вроде бы пришел в себя, и у меня пошли сделки одна за другой. С твоей помощью я довольно быстро восстановился и снова принялся заниматься своими делами, и это спасало меня. Но главное, и я просто должен тебе об этом сказать, меня всегда грела и успокаивала мысль, что ты все равно где-то рядом. Это как тяжелобольной пациент чувствует себя увереннее, если знает, что в соседнем доме живет его лечащий врач. У меня был номер телефона Ольги.

К тому же я просто знал, где она живет. И знал, что она всегда поможет мне связаться с тобой.

– Что было потом?

– Аля сказала, что от трупа надо избавиться.

Он горько засмеялся, и было в этом смехе что-то уже истерическое.

– И где сейчас тело?

– Понятия не имею. Она сказала, что отвезет труп. И что вернется и все отмоет, а белье и матрац сожжет в саду. Она, знаешь, такая проворная, ловкая, сильная, она всегда все делает быстро и хорошо. Но я не мог предложить ей помочь перенести тело в машину, хотя оно явно было тяжелое. Я бы умер от ужаса. И тогда она все сделала сама. Говорю же – зверь!

– Ты сказал, она – монстр.

– Ну да. Я так и сказал. Потому что она сильная. Вероятно, как и все женщины.

– Что было потом?

– Она взяла чистую простыню, завернула в нее труп, вытащила, я бы даже сказал, выволокла его из дома прямо в гараж, подогнала туда свою машину, погрузила его и вывезла. Пока ее не было, я отмачивался в ванне. Но сколько бы я ни мылся, ни смывал с себя кровь... Вернее, не так. Крови на самом деле было не так уж и много, на подушке и на моем белье, внизу... Ну и на простыне, конечно. Но мне казалось, что я весь залит кровью. Этот соленый железистый

запах преследует меня до сих пор!

– Постой... Так как ее зарезали? Где была рана? Если на подушке, то...

– Точно сказать не могу, видел только, что ее горло залито кровью...

– Так откуда же кровь внизу? На твоем белье?

– Не знаю, натекла... Хотя, может, были и еще раны на теле... Я же не видел.

– Твоя домработница потом вернулась?

– Думаю, что да. Она же обещала убраться. А мне надо было на работу. Я уехал.

– Значит, ты ее не видел больше, да?

– Получается, что да.

– Но она хотя бы отзвонилась?

– Да, разумеется. Разве я не сказал? Она сказала, что сделала все, как она выразилась, «чисто». Что мне не о чем переживать.

– Скажи, Матвей, она что, такая бесстрашная или глупая? Разве она не понимала, что сильно рискует? А что, если бы ее остановили на дороге... Да мало ли что могло случиться! И почему она была против того, чтобы ты вызвал полицию?

– Да все же просто: больше всего на свете она боится потерять эту работу.

– Ах вон оно что!

– Работа несложная, работает она быстро, я плачу ей хорошо, к тому же она довольно часто с моего разрешения, ко-

нечно, забирает продукты домой. Так что может экономить на еде, копить, к примеру, на какие-то земные радости. Она очень, очень испугалась, что меня посадят. Понимаешь, на-смотрелась девушка сериалов, где полиция представлена не самым лучшим образом, поэтому и была уверена, что в случае, если меня будут допрашивать и я расскажу чистую правду, мне все равно никто не поверит. Меня запишут в убийцы, посадят, а Аля, стало быть, потеряет работу. Вот такой простой расклад. А что ты так удивляешься? Девушка она простая, и для нее работа, деньги – это смысл жизни. Да она, по сути, живет в моем доме, как в своем. Меня же подолгу не бывает, вот она и чувствует себя здесь очень свободно и комфортно. Говорю же – как у себя дома.

– Что было потом?

– Да ничего. Он позвонила и сказала, как ты уже слышала, что все нормально, чисто сработано, и я изо всех сил старался успокоиться. Но разве можно успокоиться, зная, что этой ночью кто-то подложил мне труп девушки, сунул мне под одеяло оружие убийства, нож, а моя домработница хладнокровно зарыла все это где-то в лесу...

– Надеюсь, ты никому, кроме меня, об этом не рассказывал?

– Нет, конечно!

– А Борису... Бронникову? – закашлялась Лора.

– Зачем же я буду ему что-то рассказывать, если и дела-то в отношении меня нет? Я так ему и сказал, что понятия не

имею, о какой Карине идет речь, кого убили. Да я и имени не знал! И уж точно не знаю, как в ее сумке оказалась моя визитка. Ладно бы я был гинекологом, женским парикмахером, портным, да мало ли... Но у меня инвестиционная компания! Не могу представить себе девушку, которая сильно заинтересовалась бы этими самыми инвестициями. Понятно же, что визитку ей подкинули, чтобы я был первым, кого бы потревожили по этому делу. И девушку эту тоже как бы подкинули... Бррр... Как ужасно это звучит! Подложили мне в постель, предварительно убив...

Матвей некоторое время молчал, словно вспоминая детали сегодняшнего дня, все то, через что ему пришлось пройти, затем собрался и продолжил:

– Вот, собственно говоря, и все. Со мной поговорили несколько минут, в течение которых я чуть не умер от страха, но потом следователь меня отпустил. И все! Домой я, конечно, не поехал. Во-первых, дом будет у меня теперь ассоциироваться с этим кошмаром. Во-вторых, я же не видел свою спальню после уборки. А что, если Аля вообще мне не поверила и отвезла труп прямо в полицию?

– Как это? Ты даже такое допускаешь?

– Ну кто она мне? Вернее, не так. Кто я ей? Никто! Она наверняка знает о моих психических проблемах, о страхах. Подумала, что я спятил и убил. К тому же она могла элементарно не вернуться...

– Так. Постой. Ты уже противоречишь сам себе. Ты же

только что сказал, как ей нужна работа. Я что-то уже ничего не понимаю.

– Лора, милая, но я же должен все просчитать! И вот когда я это делаю, когда долго думаю, то мне все больше и больше кажется, что мой арест – дело времени!

– И что же теперь делать?

– Просто посиди здесь, со мной, пока меня не нашли.

– Скажи... Если уж ты рассматриваешь разные варианты... А что, если девушки никакой не было? Хотя... – Лора замотала головой. – Хотя, что же я такое говорю, если девушку нашли сегодня... Ладно. Утро вечера мудренее. Ты ложись спать.

– А ты? Ты ляжешь со мной? Как тогда?.. Без тебя я не усну, ты же знаешь. Быть может, это будет моя последняя ночь на свободе.

– Постой... Еще один вопрос. Кто мог с тобой это сделать? Кто все это провернул, чтобы тебя подставить? У тебя есть предположение? Ты кого-нибудь подозреваешь?

– Не знаю... Дорогу я никому не переходил. Наоборот, моя компания вкладывает деньги, я многим нужен. Нет, никого не подозреваю. И я страшно напуган. Я снова лечу в какую-то пропасть...

В спальне Лора уложила его, легла рядом и теперь уже она положила ему голову на плечо. И теперь слышала, как он глубоко, судорожно вздыхает. В его голове, конечно же, метались черные тени дурных предчувствий. И его страхи пе-

редались ей. Что теперь с ним будет? Как ему помочь, спасти?

– Матвей, ты не спишь?

– Нет.

– Если на самом деле все так...

Она не знала, как сказать, чтобы не напугать его еще больше. Но если его посадят, пусть даже поначалу в камеру предварительного заключения, он и там не протянет, он утонет в своих страданиях. Он физически там не выживет. У нее созрел план, но как ему об этом сказать? Как предложить ему спрятаться? Ведь пока что он на свободе. Пока...

– Позвони своему Гусеву, пусть он поговорит с Борисом Бронниковым, чтобы тот помог тебе. Тебе надо спрятаться...

Последнее слово она произнесла с трудом. И даже зажмурилась, ожидая его реакции.

Думала ли она тогда о последствиях? И да, и нет. Если он спрячется, то хотя бы останется жив. И не попадет в психушку. А если не спрячется – даже при самом хорошем раскладе, если повезет со следователем и как-то быстро найдут настоящего убийцу, – то все равно сильнейшим, беспощадным образом пострадает его психика. Ну а уж если его, невиновного, осудят за убийство, он точно погибнет.

Лора опекала его не по-матерински, по-сестрински, и чувствовала какую-то болезненную ответственность за него, переживала, как за родного человека. Приручила, теперь он стал ей родным.

– Хорошо, я позвоню Гусеву. Он поговорит с Бронниковым.

– Вот и отлично. Только не забудь, это очень важно.

Она закрыла глаза. Эта ночь, тревожная и тяжелая, напомнила ей о другой ночи, о последней ночи, когда они оба знали, что она больше к нему не придет. Что ей, выполнив свою миссию и наполнив его силой, пора уже было продолжать жить своей жизнью, где ему уже не было места. Она отрывала его от себя, как ребенка, как младшего брата, с которым была вынуждена расстаться. И вот так же, лежа с ним в обнимку, боялась, что все эти их встречи вдруг окажутся для нее обманом, что на самом деле в его сердце вспыхнуло другое, более сильное и страстное чувство, которое он умело маскировал под другое, более невинное.

Но ничего не произошло. Он и в последнюю ночь вел себя, как и раньше. Не пытался прикоснуться, поцеловать, не говорил слов любви. А она? Хотела ли она этого? Была ли в него влюблена? И да, и нет.

Она запуталась. Слишком уж сложными были их отношения. Игра, которую она затеяла во время их первой встречи, почти сразу же перестала быть игрой, и отношения двух незнакомых людей начали с первых же минут окрашиваться в сложные тона другой, более понятной, человеческой любви, замешенной на сострадании. Но где-то очень глубоко, в чем она даже себе не хотела признаться, она ждала проявления другой любви, ей хотелось, чтобы ее желали. Но пред-

ставляя себе эту другую любовь, которая возникает между мужчиной и женщиной, она понимала, что не готова к такому повороту событий. Что ей просто хочется потешить свое женское самолюбие, не более. Что в один прекрасный день Матвей, красивый молодой мужчина, увидит в ней красивую молодую женщину, а не хорошо оплачиваемую «девушку-обнимашку» из конторы.

Вот и теперь, она лежала рядом с ним и ждала прикосновений. Они, несомненно, обожгли бы ее, она бы порывисто встала и ушла.

Да, так оно и было бы. Потому что сейчас у нее есть кому к ней прикасаться и ее желать. И она счастлива и любима. Но чего же она тогда ждет? Зачем ей эти ощущения?

И вдруг она поняла, что с ней происходит. Поняла и ужаснулась. Как он сказал? Последняя ночь на свободе. Как знать, вдруг он прав? Впереди у ее подопечного – черный туман неведения. Он напуган, он теряет последние душевные силы. И надо же такой беде случиться именно с ним, с человеком без кожи?

Лора впервые вдруг почувствовала к нему желание. Потерлась щекой о его плечо, обняла его совсем не так, как раньше, коснулась бедром его бедра и задышала часто-часто, невероятно волнуясь и уже пылая...

Но ответом ей послужило его тихое, мерное дыхание. Он спал.

8. Май 202... г.

После неприятного разговора с хозяйкой конторы, которой Оля призналась, что не смогла заставить себя встретиться с клиентом, да к тому же еще, бросив свою подругу на растерзание этого самого клиента, она вернулась домой, выпила успокоительный отвар и легла.

Решилась на то, чтобы спросить хозяйку, адекватный ли клиент, не опасен ли он, она не могла. Зачем спрашивать, если ты и так сбежала от него. Не признаваться же в том, что вместо нее туда отправилась подружка.

Она понимала, что хозяйка, вцепившись клещами в богатынького мужчину, сразу же направит туда другую, более опытную девушку-обнимашку.

Да и с самого начала было странно, что ее, Олю, прошедшую всего лишь трехдневный курс обучения, хоть и получившую сертификат, отправили к такому «жирному» клиенту. Хотя контора молодая, девушек, возможно, мало, а клиент нарисовался только что. И вот, чтобы его не упустить, к нему наверняка послали новенькую.

И вот придет к этому Льдову другая мастерица-обнимальщица, а там уже есть девушка. И как дальше будут развиваться события? Прямо-таки водевиль какой-то.

Но эти мысли очень быстро уступили другим – как там Валя? Она могла бы ей позвонить, но все оттягивала время,

не решаясь. И от страха, терзаемая нехорошими предчувствиями, совсем раскисла, чувствуя себя настоящей предательницей.

А что, если этот Льдов маньяк? Что, если он сейчас убивает или вообще убивает Валу? Может, позвонить на всякий случай в полицию?

Но и этого она не сделала. Лежала и думала о том, что теперь между нею и Валею отношения испортятся. Что они наверняка поссорятся. Что Валя разочаруется в ней, бросит ее, съедет с квартиры, и они больше никогда не увидятся.

Оля и сама презирала себя. Понимала, что смалодушничала, что надо было ей настоять на том, чтобы Валя тоже села в такси. Но вышло как вышло. И что теперь делать?

И чем только она думала раньше, когда записывалась на этот курс? Когда принимала решение пойти в обнимашки? Ну не дура она? Разве трудно было представить себе, что ее ожидает? Ладно Льдов, он молодой мужчина, красивый. Ей показали его фото. Но ведь обратиться в контору может любой человек, были бы деньги. Может, дурно пахнущий, с неприятной внешностью старик? Или какой-нибудь буйный неврастеник, больной на всю голову человек? Может, маньяк, сообразивший, что вот так, притворившись несчастным меланхоликом, заманить к себе домой жертву будет проще всего!

Звонок Вали успокоил ее, она даже разрыдалась от счастья: «Все нормально. Не переживай. И не звони».

Значит, у нее получилось! Получилось! И она, безо всякого обучающего курса, сумела расположить к себе клиента, успокоить его. Раз попросила не звонить, значит, процесс пошел. Значит, мужчина принял ее, позволил себя обнять, а она его – разговорила, приласкала.

Дурдом! Что это за услуга такая? Полный бред! И почему только эти мысли не возникли у нее с самого начала, когда она ухватилась за эту тему? Неужели желание зарабатывать, физически не напрягаясь, так ослепило ее? Ну да, у нее больная спина, и ей тяжело работать официанткой и носить подносы, улыбаться гостям. Но ведь и там надо работать с клиентами, не просто же так тебе будут платить деньги! Возможно, надо преодолеть множество комплексов, научиться ладить с незнакомыми людьми, чтобы они остались тобой довольны. Ведь человек, позвонивший в контору и решивший довериться незнакомому человеку, и сам не знает, чего от него ждать. Но раз он это сделал, раз обратился туда, значит, ему на самом деле очень плохо, тяжело... Значит, он совсем один, и это страшно.

Валя появилась дома на следующий день, вечером. Выглядела задумчивой.

Оля сгорала от любопытства. С порога завалила вопросами.

– Оля, да все нормально, я же тебе сказала. Работаем.

Спасаем. Он и правда в очень плохом состоянии. И ничего не ест, представляешь? Вот поэтому я поставила перед собой первоочередную задачу пробудить в нем аппетит. Помогает мне в этом Алевтина, домработница. Я говорю ей, что надо готовить, объясняю ей, что Льдова надо поставить на ноги и заставить есть, а она, и без меня понимая, что хозяин в плохом состоянии и что ему нужно помочь, беспрекословно исполняет все мои просьбы. Так что здесь проблем не должно быть.

— Но что с ним? Что? Он реально болен или?..

— Просто переработал парень, вот и все. У него бизнес, он устал. Бензин кончился, понимаешь?

— Ты обнимала его?

— Оля! Все, не хочу больше об этом говорить... Мне и без того трудно, как-то неудобно, и я вообще не собираюсь брать с него деньги...

— В смысле? — опешила Оля. — Как это?

— А вот так: просто помогаю ему по-человечески. Жалею его. Успокаиваю. Пытаюсь согреть, чтобы он поскорее восстановился, пришел в себя и вернулся к нормальному образу жизни.

— Он не приставал к тебе?

— Спроси еще, не спали ли мы. Оля! Нет, конечно! Это хорошо воспитанный молодой мужчина. Он все понимает. Это поначалу мы оба боялись, что у нас ничего не получится, как-то приноравливались друг к другу, а потом подру-

жились. Так бывает...

— Надо же! А я тут испереживалась вся! Думала, что ты будешь презирать меня за то, что я уехала... В контору позвонила, сказала, что не смогу там работать. Меня чуть не послали...

— Работай пока в ресторане, а там видно будет.

— А ты?

— А я уже позвонила на работу, сказала, что беру за свой счет, меня отпустили. Ну не могу я бросить Матвея, понимаешь?

Ольга хотела услышать какие-то подробности, представить себе, как происходит общение Вали с Льдовым, но в какой-то момент поняла, что пора уже оставить подружку в покое. Что когда она созреет, когда поймет, что готова, то сама поделится своими впечатлениями и расскажет о Льдове.

Конечно, было во всей этой ситуации что-то такое, что делало Валу особенной, переполненной тайнами и сильной, и почему-то, думая об этом, Оля чувствовала себя какой-то неполноценной, слабой и глупой. Быть может, она в какой-то мере завидовала подружке, ее таланту и умению ладить с людьми, но, вспоминая свои чувства и страхи там, в поселке перед воротами льдовского дома, она снова и снова признавалась себе в том, что даже теперь, когда она знает, что Льдов не опасен, что с ним можно общаться, она поступила бы так же — не смогла бы дать то, что ему было

необходимо, отказалась бы от этой затеи работать в конторе и получать деньги за объятия. Уж лучше она вернется в ресторан, в свое привычное место и возьмет в руки поднос.

Валя все реже и реже ночевала дома. Могла приехать на пару часов на шикарной машине с водителем Льдова, привезти продукты, положить в шкатулку деньги, которые они собирали, надеясь на удачу, на первоначальный взнос на ипотеку.

Идея попытаться получить кредит в Мышкине поблекла и показалась бессмысленной после того, как, изучив вопрос, подружки выяснили, что если человек официально работает в Москве и получает зарплату на карту Сбербанка, то и ипотеку может оформить в любом центре ипотечно-го кредитования Москвы.

Поначалу Оля почувствовала, что подруга отдаляется от нее, что, видимо, остались в прошлом их откровенные беседы, что пропала близость. Словно Валя жила теперь в каком-то своем мире, куда Олю осознанно не впускала. Конечно, она обижалась, но все равно пыталась как-то оправдать такое поведение подруги, предполагала, что Валя просто увязла в новых отношениях и теперь и сама не знала, как из них выбраться.

Она была уверена в том, что Льдов стал ее любовником. Пожалуй, такое развитие отношений и испугало на подсознательном уровне саму Олю, когда она, оказавшись уже перед воротами своего первого клиента, струсилась и бросилась

прочь. А вот Валя не испугалась и вступила в эти самые отношения. Вот только радости ей это явно не приносило, считала Оля, уж слишком много печали было в ее взгляде.

Возможно, она испытывала стыд перед Олей и потому не допускала доверительных разговоров, одним только взглядом давая ей понять, что не стоит задавать никаких вопросов, связанных с ее новым положением.

Однако время от времени она все-таки не выдерживала и приоткрывала свою тайну.

— Знаешь, у него появился аппетит.

Или:

— Мы вчера гуляли в парке, представляешь?

И тогда Оля уже и не знала, что думать. Ведь, если для нее все эти на первый взгляд мелочи кажутся достижениями, то, может, никакие они и не любовники и она продолжает ухаживать за Льдовым как сиделка? Вряд ли человек, у которого вот только недавно появился аппетит, мог тратить свою и без того драгоценную энергию на занятия любовью. И только в этом случае Оля могла объяснить отсутствие радости на лице подруги, которую просто-напросто угнетала душевная болезнь ее подопечного, лишала ее собственной радости.

Безусловно, она привязывалась к нему, а потому старалась проводить с ним много времени. Оля понятия не имела, платит он ей и сколько, а потому могла предполагать все что угодно. Вероятно, в этом плане у них сложились ка-

кие-то свои финансовые отношения.

Оля была удивлена и потрясена, когда однажды утром, когда она собиралась на работу, Валя, открыв дверь своим ключом и увидев ее, просияла и протянула ей толстый конверт с деньгами.

– Вот, Льдов дал тебе на операцию.

– Какую еще операцию?

– Как какую? – с недоумением воскликнула Валя. – Ты же хотела сделать операцию по замене межпозвоночного диска. Оля, что с тобой? Ты не проснулась, что ли, еще? Мы же с тобой искали клинику, узнавали про стоимость. Матвей сказал, что, если сумма будет недостаточной, то он добавит.

– Операция? – растерялась Оля. – Да у меня вроде бы сейчас ничего и не болит... Я боюсь операции. Может, обойдусь и без нее...

– Решай сама. Пройди обследование, сделай все, что нужно, а там видно будет. Насильно тебя никто не заставит оперироваться.

– Валя... Спасибо! Передай огромное мое спасибо Льдову. Но просто так неожиданно...

Получается, что Валя рассказала ему про Олю, про ее больную спину. Интересно, о чем еще они говорят? Рассказала ли она ему о том, как Оля позорно сбежала? Как вместо нее к нему пошла Валя? Возникло сразу много вопросов, и, решив воспользоваться хорошим настроением подру-

ги, которая, пусть даже и на время, стала прежней Вале́й, Оля спросила ее, не приходила ли в тот день какая-нибудь другая девушка из конторы?

— Да, приходила. Но Матвей, заплатив ей за визит, позволил в контору, поговорил с хозяйкой и сказал, чтобы больше ему никого не присылали, что у него, дескать, все нормально. И в качестве извинений отправил ей цветы. Но они еще долго продолжали звонить.

Оле так хотелось спросить, не влюблена ли Валя в Льдова, какие чувства испытывает он к ней, не собираются ли они пожени́ться, но не посмела. Конверт с деньгами сделал ее немой и невероятно благодарной. И, что самое главное, Оля вдруг поняла, что никакого отдаления не было, что Валя всегда помнила о ней и, воспользовавшись ситуацией, попросила у Льдова денег на операцию. Хотя, нет, потом решила она, Валя денег не просила, а, скорее всего, просто рассказала Матвею о своей подруге с больной спиной, и он сам предложил ей денег.

И тут вдруг Оля вспомнила, что сама хотела поделиться с Вале́й. Рассказать, что произошло с ней. Что она познакомилась в ресторане с мужчиной, который пригласил ее на свидание. Но что-то помешало ей это сделать. Возможно, то, что Валя, передав ей конверт с деньгами, не прошла в квартиру, а продолжала стоять на пороге, словно собираясь уйти.

— Ладно, Олечка, мне пора.

Ну вот и все. Точно. Ей пора.

Валя обняла подругу.

— Держись. Мы прорвемся! — И она поцеловала ее в щеку. —

Не обижайся. Просто я не могу пока бросить его.

9. Июль 2023 г.

– Девочки, что это за посиделки у вас в такое время? Почему пахнет кофе в четыре часа утра? Вы куда это собрались? Снова тайны?

Борис, которого явно привлекли голоса, доносящиеся из кухни, заглянув туда и увидев Женю с Наташей, только развел руками.

– Ну ладно, я все-таки адвокат, и меня могут потревожить в любое время дня и ночи, поднялся ни свет ни заря, а вы-то чего не спите? Женя? Надеюсь, ничего не случилось?

– Случилось, – ответила, сияя радостью, Женя. – Представляешь, Боря, я уговорила Наташу не покупать дом!

– Ну уж, прямо уговорила... – ответила, тоже куражась и находясь в прекрасном настроении, Наташа. – Я и сама хотела, просто сомневалась. Думала, что мы с Петром и с нашими будущими детьми потесним вас...

Борис лишь покачал головой, как человек, раздосадованный нелепицей.

– Это вы-то потесните? Наташа, как тебе это вообще пришло в голову? Скажешь тоже! Потеснят они нас! Да мы только рады будем, если по дому будут бегать ваши детишки...

– Мы тут придумываем план преобразования второго этажа, вот! – пояснила Женя. – И так увлеклись, что не заметили, что уже почти утро... А ты чего встал, Борис? Мы раз-

будили тебя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.